

Лев Пучков
Бойцовская порода
Серия «Собачья работа», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133403
Бойцовская порода: Эксмо-Пресс; М.: 2001
ISBN 5-04-007942-7*

Аннотация

Хорошие люди пахнут хорошо. Так считает кинолог Сергей Рудин по кличке Пес, за плечами которого немалый опыт службы в горячих точках. Но есть люди, от которых исходит устойчивый запах смерти. Директор элитной школы телохранителей «Март» в свободное от работы время «разводит» авторитетов и киллерствует по-крупному. Не успев разобраться со своим обидчиком Псом, он неожиданно получил новую головную боль: сын убитого им банкира нанимает крутых парней, чтобы отомстить за отца. Трупов становится все больше, шансов выжить все меньше. Но когда до цели буквально стволом подать, не стоит расслабляться: судьба – дамочка капризная и дает иногда только один шанс, чтобы убить врага и сохранить свою жизнь...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	37
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лев Пучков

Бойцовская порода

Пролог

...Осень. Лист последний самый
В небе прочертил строку.

Меркнет световая гамма.
Скоро ветер – зверь упрямый –
Бросит снегом на скаку.

Осень тихо входит в душу.
Не врывается, как лето.
Желтизна пророчит стужу.
Просится тоска наружу.
Не люблю ее за это...

Не люблю ее за грусть,
Что светла и бесконечна.
Что похабно и беспечно
Раздевает девку-Русь...

Да, годика этак два назад, примерно в это же время дня, вот такими стишатами разродился обуянный спонтанным припадком лирической грусти боевой брат пресловутого Пса – Ваня Соловей, мастер ратного труда и вообще мастер на все руки.

Стишок, сами видите, получился претенциозным и неотесанным. Ежели бы, допустим, фугас поставить, из гранатомета влупить по движущейся цели, пулемет починить, по-тихому зарезать кого-нибудь в ночи или, на худой конец, собаками загрызть – милое дело!

А стишок... Это было некое божественное откровение. Представьте себе: сосновый бор, благоухающий чудодейственным хвойным экстрактом, каракулевые облачка, неспешно ползущие по неправдоподобно синему сентябрьскому небу... Подготовка к самому любимому с первобытных времен мужскому занятию – охоте на дикого зверя. А где-то неподалеку ходит юная, вечно желанная женщина, которую можно в любой момент отловить промеж сосен и с разбегу подвергнуть исполнению супружеских обязанностей в одной из замысловатых позиций, рекомендуемых индийскими затейниками. А можно и не в одной... В общем, бабье лето со всей атрибутикой, в самом полном смысловом объеме, который знающие люди вкладывают в это понятие.

Ваня – по жизни малослов и педант – этого дикого для него приступа лиризма страшно стыдился и делиться своим огрехом поэтическим ни с кем не собирался, даже с той самой вечно желанной – женой Ниночкой. Но вредоносный егерь Василий (страхолюга волосистый!), удостоившийся чести соприсутствовать при божественном откровении, отчего-то вдруг стишок тот запомнил, записал и моментально растиражировал среди своих. Читайте, завидуйте – вот с таким пиитом, мать его за ногу, две недели жили под одной крышей и на кабана совместно охотились! Есть чем гордиться...

Теперь, два года спустя, ситуация узнаваемо повторяется – с небольшими, правда, различиями. Вместо соснового бора – раскинувшийся на необъятных просторах могучий разлапистый ельник, подковой окаймляющий подернутые ряской просторы Дарьина болота. Но все равно тут хорошо, привольно и покойно, потому что на днях заморозки шарахнули и гнус весь передох. Неделей раньше я бы с огромным удовольствием посмотрел, как вы тут на приволье попробовали бы справить надобность и визжали бы, как пороса недорезанное, когда вашу белую рыхлую задницу, исковерканную офисным креслом, синхронно атаковали бы минимум три взвода кровососущих гадов.

А сейчас – прелесть! Сдохли гады, заморозка не вынесли. И такая благодать кругом! Тишина, ветерок паутинки таскает – бабье лето, одним словом. Хочется валяться возле костерка с шашлычком, поглаживать запотевший бок пивного бочонка и, мечтательно глядя в небо, слагать стишки. И охота присутствует в полном объеме – да такая увлекательная и азартная, куда там той, кабаньей, двухгодичной давности! Только вовсе не подготовка, а самый что ни на есть финал. Мы с вами проспали основную часть и угодили к развязке...

По извилистой тропинке, петляющей в ельнике, топали трое. Вернее, собственно, топал один, второй висел, едва подавая признаки жизни, а третий прогуливался налегке, с непривычки запыхавшись и вспотев.

Высокий плечистый мужик лет сорока, в изодранной окровавленной футболке, сквозь прорехи которой хорошо просматривались великолепно тренированные мышцы, тяжелой поступью двигался в сторону болота, сильно хромя на левую ногу. На его правом плече висел голый по пояс экземпляр *Homo sapiens* ненамного меньших размеров, судя по отменно развитой мускулатуре, также не склонный к сидячему образу жизни. Знающий человек сказал бы, что экземпляр сильно контужен и нуждается в оказании квалифицированной медпомощи – простреленные руки безвольно болтаются, голова окровавлена, из разверстого рта изредка вырывается слабый стон в обрамлении кровавых пузырей.

Впрочем, сам «буксир» также пребывал в плачевном состоянии. Левое бедро его под расплоскованной повдоль брючиной было туго перетянато пропитанной кровью тряпкой, сквозь которую просачивались крупные темные капли, а в левую голень хищно впился редкими зубами волчий капкан, при каждом шаге зловеще позванивавший волочившимся следом обрывком цепи. С точки зрения любого нормального индивида, человек с такими повреждениями должен мирно лежать без сознания либо заходиться в предсмертном вопле, пребывая в состоянии полноценного болевого шока. Но «буксир» с упорством боевого робота, запрограммированного на определенный алгоритм, размеренно пер свою нелегкую ношу к болоту, шумно всасывая напоенный хвойной субстанцией воздух и словно бы игнорируя присутствие идущего следом «охотника».

«Охотник»,двигающийся в пятнадцати метрах сзади, сильно отличался от своей «добычи». Был он субтильного телосложения, очень молод, с умненьким личиком сугубо университетского разлива, облачен в дорогой кожаный пиджак, подранный в нескольких местах в результате путешествия по колючим кустам. В руке молодой человек не очень умело держал любимца присной памяти Солоника – 9-миллиметровый семнадцатизарядный «глок», на боку у него болталась сумочка с упакованной в поролоновый чехол цифровой видеокамерой, а покрытое градинами пота румяное личико, приукрашенное незатейливыми на вид очками «S.T. Dupont» в золотой оправе, выражало усталое торжество, слегка разбавленное досадливым удивлением.

Торжество было заслуженным, можно сказать – выстраданным. Молодой человек являлся полным профаном по части ратных забав и, будучи наделен весьма незаурядным умом, прекрасно понимал, что, дебютируя на неизведанном для него поприще «охотника» за такой «дичью», он вряд ли может рассчитывать на успех.

Тем не менее успех место имел. И был он особенно сладок от того, что к финалу «охотник» вышел один на один с серьезно раненным «хищником», скованным к тому же волчьим капканом, а сам при этом не пострадал, хотя и потерял всех своих людей в ходе преследования.

Досаду вызывало аномальное поведение преследуемого. Для гармоничного завершения картины «хищник» должен был уже давненько валяться на пожухлой траве, моля о пощаде или, на худой конец, о быстрой и безболезненной смерти. А «охотник», с беспощадной мудростью глядя сверху вниз на поверженного врага, тихим голосом вел бы с ним скорбную беседу, более напоминающую проповедь...

«Хищник» валяться не желал. Позади, метрах в ста пятидесяти, остались лежать два теплых трупа – результат заблуждения «охотника» по поводу падения боевых качеств жертвы ввиду ее плачевного состояния. Желая прекратить бессмысленную прогулку, молодой человек пять минут назад проявил вполне оправданное в данном случае нетерпение и отправил двоих «бойцов» – последних оставшихся у него людей – остановить «хищника».

Задача виделась вполне ординарной: сильный толчок в спину, несколько умелых пинков (только, ради бога, ребята, не по ране – не хватало еще, чтобы он вот так запросто окочурился от болевого шока!) – и готово. Пожалуйте читать проповедь, наслаждаться заслуженным упоением финального акта затянувшейся расплаты и снимать все это на видеокамеру...

«Хищник» расправился с ребяташками походя, в прямом смысле слова – одной левой. Не замедляя ни на миг своего неуклюжего топа, неуловимо прянул в сторону, пропуская вперед «бойца», вознамерившегося толкнуть его в спину, и снайперским ударом вогнал ему под левую лопатку свой боевой нож. Второго, не успевшего должным образом среагировать на неожиданную прыть явно «готового» «объекта», рубанул наотмашь ребром ладони в горло. Удар оказался настолько сильным, что «охотник», двигавшийся сзади в пятнадцати метрах, отчетливо услышал страшный хруст шейных позвонков, по всем канонам анатомии надежно защищенных толстыми мышцами от травмирующего воздействия спереди...

– Ты не устал, терминатор? – юношеским баском крикнул «охотник», чуть сокращая дистанцию и неумело целясь на ходу в ноги удаляющегося «хищника». – Пора тебе отдохнуть...

Чпок! Чпок! Две пули впились в еловые стволы, третий выстрел вообще не получился – неопытный стрелок от напряжения перекосил указательный палец на спусковом крючке. С недоумением уставившись на дорожную австрийскую игрушку, молодой человек вспомнил, что говорил Денис на инструктаже: капризная штучка – этот кусок пластмассы, выстрел возможен только при правильном нажатии на спусковой крючок.

– Ах, да, конечно... – пробормотал «охотник», догоняя «хищника», никак не отреагировавшего на бестолковую пальбу. Морща чистый лобик, подсчитал в уме оставшиеся патроны и слегка опечалился. Чуть раньше, поддавшись нездоровому азарту, молодой человек использовал впустую девять патронов, плюс два – сейчас. Запасная обойма осталась у Дениса в кармане... Разумеется, это мальчишеская глупость – зря жечь боеприпасы, оставшись один на один с таким чудовищем. Но ближе подходить нельзя – задавит в один момент. Кроме того, «хищник» движется не абы как, хотя и хромает неимоверно – он умудряется неуклюже изображать движения маятника, хаотично качаясь в узком пространстве меж еловых стволов. Вывод: ежели не споткнется в течение последующих нескольких минут да не рухнет, придется быстро подсакивать и стрелять-таки в корпус. А в этом случае вполне может случиться так, что пули неумелого стрелка поразят жизненно важные органы и таким образом убьют «хищника» сразу. Вот этого молодой человек как раз хотел меньше всего на свете. Во-первых, нельзя награждать такого мерзавца столь легкой смертью – он этого не заслужил. Во-вторых, обязательно нужен видеорепортаж с места событий. В противном случае все титанические усилия последних дней просто теряют смысл...

Еловые лапы неожиданно расступились, открывая заросший невысоким камышом берег Дарьина болота. Несмотря на солнечную погоду, над казавшейся бесконечной пустошью, источавшей гнилостный запах, витала легкая серая дымка, придававшая этому, в общем-то, заурядному местечку некий мистический оттенок.

Молодой человек про болото знал: будучи существом прагматичным и высокоорганизованным, он отправился на охоту вовсе не с разбега, что называется, на авось, а прежде всего тщательно изучил особенности местности по карте и пообщался с незаинтересованными аборигенами.

Если верить этим самым аборигенам, болото – место гиблое и опасное, сплошь топь, с редкими глухариными островками, на которые никто давненько не шастает: тропинки забыли, да и соваться туда – себе дороже... Дарьиным его якобы обозвали в честь комсомолки-энтузиастки Даши, которая в далеком 1942-м, глумясь над дебиловатыми потомками норманнов, завела оных в самую топь. Обещала, шалунья ветреная, партизанами развлечь простодушных вестфальских крестьян. Пленясь красотой комсомолки, крестьяне послушно потопали за Дашей, почесывая от вожделения огрубевшие на ветрах Европы лики и распевая вполголоса «Полет Валькирий» – самую популярную «кричалку» болельщиков мюнхенской «Баварии» сороковых годов. В итоге после полного драматизма барахтанья в коричневой жиже все супостаты благополучно утонули. И Дашу с собой прихватили, разумеется.

С тех пор якобы по ночам на болоте кто-то орет болезненным голосом с тевтонским акцентом и ветки трещат необоснованно – особенно в полнолуние. И хотя некоторые местные скептики утверждают, что это полусумасшедший егерь шалит, опоенный некачественным самогоном, однако тутошний суеверный люд на болото действительно не шастает – даже в дневное время...

«Охотник», всегда отличавшийся незаурядной сообразительностью, нервно сглотнул и, замедлив ход, выставил перед собой пистолет. Нет, в мистические бредни он не верил – до мозга костей дитя своей индустриальной эпохи, молодой человек сейчас об этом даже и не подумал. Для своих молодых лет он неплохо разбирался в психологии, поскольку немало времени уделял самостоятельному освоению этой во всех отношениях полезной науки.

Раненый зверь опасен вдвойне. Вне всякого сомнения, «хищник», обнаружив, что перед ним непроходимое болото, развернется, бросит свою ношу и постарается умереть с максимально возможным коэффициентом полезного действия. То есть другого пути, кроме как напасть на преследователя, у него не остается...

«Хищник», не сбавляя темпа, вломился в камыши и двинулся по болоту – при этом каждое его движение сопровождалось странным деревянным стуком.

– Что за чудеса?! – пробормотал «охотник», устремляясь вслед за своей жертвой и быстро преодолевая широкую просеку, оставленную раненым. – «...а спаситель ходил по воде...»?! Нет, вы только посмотрите, что они тут придумали!

«Хищник» топал по мосткам. Этакий хлипкий тротуар в две дощечки, пробитый на полусгнивших осклизлых столбцах сантиметрах в тридцати над уровнем ряски и уходящий куда-то в глубь болота. Мостки тонули в серой дымке, вечно парящей над болотом, и потому со стороны не были видны даже с расстояния в пару десятков метров.

Ступив на ненадежные дощечки, пропитанные влагой, «хищник» заметно сбавил темп и теперь двигался с крайней осторожностью, прощупывая плененной капканом ногой каждые полметра, прежде чем ступить.

– Прогулка по болоту в наши планы не входит, – процедил сквозь зубы молодой человек, поудобнее устраиваясь на мостках для стрельбы с колена и целясь в спину уходящей жертве. – Вот же негодяй! Все испортил...

Стрелять, однако, не пришлось. Очередная доска, на которую тяжело ступил «хищник», с сырым треском лопнула: болотная жижа радостно ухнула, принимая два обрушив-

шихся в нее тела, и коричнево запузырилась вокруг, быстро засасывая свою добычу. В последний момент «хищник» успел левой рукой ухватиться за оставшуюся доску, правой поймал под грудь своего контуженного товарища и затих, давя преследователя свинцовым взглядом.

— Ох-хо-хо-хо! — с невыразимым торжеством в голосе продекламировал «охотник», осторожно приближаясь и усаживаясь на мостках метрах в трех от «зависшего» «хищника». — Вот это подарок! Значит, есть нечто... нечто такое... Свыше, как говорится. Вот теперь совсем другое дело. Теперь мы с тобой поболтаем...

Глава 1

Ветераны. Такая вот собачья жизнь...

Есть такие вредоносные особи, которые любят поизмываться над спящим. Как правило, это душевно ущербные, завистливые гаденыши с латентным комплексом садизма. Им страшно обидно, что в то время, как они вынуждены бодрствовать, другие блаженствуют в царстве Морфея. Им, видите ли, доставляет удовольствие, когда человек, раздражаемый каким-нибудь пакостным способом, резко пробуждается ото сна и некоторое время имеет чрезвычайно глупый вид, не в силах понять, что же, собственно, с ним происходит. Им хочется показать окружающим – а деяния свои, за редким исключением, они творят при наличии некоторой аудитории, – что внеурочно разбуженный член коллектива – просто конченный лопух, об которого можно запросто поточить свои дрянненькие амбиции.

С такими вместилищами порока Григорий Васильевич Толхаев всегда целенаправленно боролся. На заре своей богатой событиями жизни ему приходилось довольно часто бывать в однотонном мужском коллективе, в котором, как правило, обязательно находились такие вот латентные садисты-злопыхатели. Системной борьбе с ними Григория Васильевича обучил один замечательный оболтус – вечно пьяный по причине хронической грусти подполковник Васильев (для своих – Глебыч), когда Гриша, будучи молодым военным хирургом, угодил по распределению на эвакуопункт в Афганистане.

– Есть такая отрасль криминалистики – виктимология, – сказал Глебыч, когда Толхаев, проживавший в модуле для младшего командного состава совместно с десятком молодых офицеров, пожаловался на дурной нрав своих сожителей, повадившихся издеваться над новичком, смертельно устававшим после непривычных нагрузок. – По большей части она касается криминалистов, но в данном случае, как мне думается, тоже вполне актуальна...

Глебыч в доступной форме коротко изложил основные постулаты этой суровой науки и пояснил, каким образом следует применять их на практике:

– Ваши сожители – молодые здоровые звери, вкусившие крови и успевшие насладиться ощущением собственной значимости в военно-прикладном аспекте. А вы – свеженький, рафинированный, не успевший еще пообтесаться, зарекомендовать себя... Не уважают? Издеваются? Помыкают? Угу. Они видят в вас жертву, батенька! В своем маленьком театре они безоговорочно наделили вас ролью козла отпущения. А вы никак не обозначили неприятие этой роли, милый мой, – вы подчинились этой игре. Ну и будут помыкать! Будут издеваться, пока вы сами насильственно не перемените их установку на вашу жертвенность. Пока резко не расставите акценты. И делать это нужно именно тем способом, который понятен и доступен большинству членов вашей микрогруппы...

Акценты Толхаев расставил в тот же день. Отдохнул часок в подсобке после ночного дежурства, чтобы набраться сил, пришел в модуль и, завалившись на койку, принялся успешно изображать глубокий сон. А спустя минут пятнадцать кто-то начал булькать под ухом водой, переливая из бутылки в стакан и обратно и препротивно хихикая при этом. Сожители баловали новичка приятным разнообразием: до этого щекотали ноздри соломинкой, сыпали в постель хлебный мякиш, разок даже клали на грудь ботинок, филигранно обвязав веревку вокруг детородного органа испытуемого и прикрепив ее к шнурку (человек просыпается, видит на груди ботинок, хватает его, сердито отшвыривает прочь... и тотчас же с диким криком прыгает вслед за обувкой. Занятное зрелище...). А теперь вот, судя по всему, возжелали вдруг, чтобы молодой врач еще и уписался, аки энурезный солдат-дистрофик.

Резко сев на кровати, Толхаев открыл глаза и дружески улыбнулся, увидев перед собой жирную морду начпрода полка, несолидно застывшую с разинутым от неожиданности

ртом. Остальные офицеры, присутствовавшие в модуле, лежали на своих кроватях и лениво наблюдали за представлением.

– Побаловались – и будя, – все так же улыбаясь, заявил Гриша и, ловко вырвав бутылку из руки издевателя, с размаху разбил ее об его голову. Нормально получилось, как в кино: звон осколков, дружный вздох удивления...

– Ап... Ап... – широко разевая рот, сказал жирный старлей, по щекам которого стекали струйки воды и крови. – Ты... ты...

– Я, ребята, устал сильно и хочу отдохнуть. Пока вы тут ночью водку жрали и в секу резались, я пятерых хлопцев с того света вытащил, – сообщил Толхаев, демонстративно зевая, чтобы заглушить бившую его нервную дрожь. И, укладываясь поудобнее, буднично добавил: – Еще кто так вот пошутит – башку прострелю...

...В этот раз Григорию Васильевичу показалось, что какой-то недобитый вражина опять гнусно шутит с ним, воспользовавшись беспомощным состоянием спящего. Кто-то щекотал ноздри соломкой и при этом надсадно сопел и чмокал от предвкушаемого удовольствия. Данный факт бывшего хирурга страшно удивил даже во сне: это что еще за ретро?! Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой!..

Когда щекотание в ноздрях достигло критической точки, Толхаев яростно чихнул, проснулся и с ходу принялся шарить вокруг рукой, намереваясь схватить супостата за патлы и с размаху треснуть передней частью черепа обо что-нибудь твердое.

Супостат, однако, отсутствовал. Григорий Васильевич с удивлением осмотрелся, пытаясь вспомнить, где он находится. Оказывается, все это время он спал, сидя за большим деревянным столом из необструганных досок. Стол стоял посреди просторной комнаты с бревенчатыми прокопченными стенами. Из предметов интерьера, помимо стола, присутствовали три табурета, два топчана, на которых в настоящий момент кто-то спал – из-под курток вытарчивали ноги в ботинках, – и какая-то бутылка в углу на штативе, совсем не вписывающаяся в окружающий ландшафт.

Тот, что спал на топчане в углу, невнятно стонал с подхрипом и периодически чмокал. А из оконца рубленого, за которым моталась на ласковом ветерке здоровенная хвойная лапа, в стол вонзался боевым лазером игольчатый солнечный лучик. Аккурат в то место, где только что покоилась тяжелая голова Григория Васильевича.

– А-а-а! – просипел Толхаев и, откашлявшись, погрозил пальцем лучу. – От я те, баловник...

На столе в живописном беспорядке были разбросаны продукты: сырокопченая колбаса, буженина, ветчина в жестяных коробках, две пустых баночки из-под черной икры, чипсы, хлеб «Бородинский», сыр «Голландский» и еще какие-то заедки. А по центру стояли четыре бутылки: две пол-литровые пустые из-под водки «Флагман», и две – из-под текилы. Вернее – одна совсем пустая, в другой – жидкости на четверть.

– А-а-а! – хрипло сказал Григорий Васильевич, фокусируя взгляд на бутылке и осторожно прислушиваясь к своим ощущениям. – Вот, значит, как...

Понятное дело. Усадьба егеря Василия – больше вариантов нет. Вчера охотились, под вечер сели поправлять здоровье. Водку с текилой он никогда не мешает, а из его круга текилу больше никто не уважает. Значит, те, что на топчане, уговорили по «Флагману». А он что-то разошелся: выел без малого литр текилы и отрубился так, что ничего не помнит. Возраст, что ли, сказывается? Раньше себе никогда такого не позволял. Голова тяжелая, словно свинцом залили. И такая вонь в комнате стоит – как будто всю ночь медведей пугали. Экое свинство-то! Вдобавок ко всему, от неудобного положения во время сна ноги затекли так, будто их и нету вовсе. С этим надо кончать.

Потянувшись за бутылкой, Григорий Васильевич сделал три мощных глотка, жадно заел ветчиной из жестянки. Переждал с полминуты, опять засадил, добил ветчину и, откинувшись на спинку, довольно крикнул.

В голове прояснилось, тяжесть куда-то улетучилась, на душе стало хорошо. Подумаешь – возраст, похмелье, неправильный образ жизни! Вон как хорошо в этом мире: солнышко ласково светит, за рубленным окном – море целебного воздуха, до глубокой старости еще далеко, в средствах он не стеснен, друзьями не обделен. В общем, из благ этого мира все у него есть – желать нечего...

– Гхм-гхм-кхм... – пробно покряхтел Толхаев, прочищая горло, и вдруг вдохновенно заорал во всю глотку: – Аа-а-а-андерма! Аа-андерма! Пя-я-атт-ныш-шко род-димаяо! У Кар-р-рского моря, на обветренной щ-щеке-е-э-у!!!

Снаружи, за оконцем, хлопнули автомобильные дверцы, раздалась невнятная ругань, кто-то побежал. Один из типов, что спали, прикрывшись куртками, резко сел на топчане и недоуменно вытаращился на Григория Васильевича. Второй просыпаться не пожелал – он все так же тихо стонал на выдохе, как-то нездорово хрипя.

Григорий Васильевич на типа тоже вытаращился – сразу и не понял, кто такой. На этом топчане, по всем канонам обычной охотничьей гулянки, должен спать Пес. А на втором...

– Совсем тронулся? – скрипучим голосом спросило помято-небритое лицо Рудина, появляясь в оконце. – Чего орешь-то? Гляди – народ перепугал.

– Нет-нет – это неправильно... – пробормотал возмутитель спокойствия, оборачиваясь к «народу» – невесть откуда возникшим в дверном проеме двоим коротко стриженным хлопцам, затянутым в кожу, с сильно заспанными личинами. Переведя взгляд на свои ноги, Григорий Васильевич крепко зажмурился и закрыл лицо руками.

– Че такое, док? – хрипло поинтересовался один из «кожаных», усиленно протирая глаза и зевая во весь рот. – Че такое?

Григорий Васильевич убрал руки от лица, разжмурился, для верности ущипнул себя за щеку и попытался встать.

– Не, реально, док – че такое? – не отставал настырный «кожаный», пристально глядя на топчан в углу. – Проблемы?

– Ой-й-й, господи ты боже мой!!! – с чувством глубочайшей скорби воскликнул Григорий Васильевич, окончательно поняв, что все происходящее с ним – вовсе не кошмарный сон. – Чтоб мне сдохнуть! Господи, какой идиот!!!

Да, это была нормальная гнусная действительность, длившаяся уже два года. Ног он не чувствовал потому, что два года жил в инвалидной коляске. Вот они, ноги-то, под пледом, бесполезные высохшие отростки, которые никогда уже не смогут ходить. И торчит он здесь вовсе не ради охотничьей забавы, хотя заброшенный домик оборудован Псом со товарищи именно для длительного проживания в охотничьи сезоны. Толхаева привезли в эту забытую богом сторожку, чтобы достать с того света нарвавшегося на пулю краснореченского бандоса – Никиту.

Рядились за «штуку» баксов и один присест хорошей еды – чтобы непременно с текилой и черной икрой. И текила, и икра – обязательные атрибуты прошлой жизни – в настоящий момент для Григория Васильевича являлись таким разгульным празднеством организма. Прежнее состояние и благополучие канули в Лету. Друзья тоже канули. И вообще – у Толхаева сейчас в целом мире нет ничего. И никого. Кроме, разве что, вот этого грубияна Рудина, что недовольно хмурится в рубленое оконце...

Григорий Васильевич обиженно захныкал, зашмыгал носом, руками принялся размазывать слезы по щекам. Надо же, расчувствовался, старый дурак, повелся на ровном месте! Пожрал хорошей снеди, текилы употребил от пуза – и вообразил себе невесть что...

«Кожаные» душевное расстройство Толхаева истолковали превратно. Тот, что задавал вопросы, метнулся к раненому, второй шустро достал из-за пазухи пистоль и направил его на «черного хирурга», а третий, который спал на топчане, хотя и не уловил сути ситуации, но, воодушевленный примером соратников, также принялся лапать у себя под мышкой.

– Твою в душу мать... – сердито буркнула голова Рудина в рубленном оконце, мгновенно усугубляясь ствольным срезом охотничьего карабина. – А ну, Масло, ходи к дверям...

– Убери лапы! – сырым от слез голосом возопил Григорий Васильевич, увидев, что «кожаный» № 1 стащил с раненого куртку и пытается его тормошить. – Куда ты, блядь, – грязными руками!!!

– Так это... – смутился «кожаный», убедившись, что раненый на вид вполне живой, теплый и помирать пока что не планирует. – Так ты...

– Отлезь от него! – просморкавшись, рявкнул Толхаев, подкатываясь к топчану и грубо отталкивая радетельного соратника Никиты. – Я же русским языком сказал – только медик! Остальные чтоб на пять метров не подходили!

Посчитав у раненого пульс, Толхаев, не глядя, протянул руку к соседнему топчану и щелкнул пальцами:

– График!

Субъект, что обрелся на соседнем топчане, и в самом деле имел отдаленное отношение к медицине – в свое время закончил ветеринарный техникум. Именно поэтому ему выпало выступать в роли сиделки при персоне. Несостоявшийся ветеринар виновато потупился и протянул Толхаеву измятый листок, на котором были проставлены почасовые отметки температуры.

– А-а-а! – зловеще прищурился Григорий Васильевич. – Стрелять-бить, пальцы гнуть, значит, мы научились... Где пяти – и шестичасовая отметки? Я тебя спрашиваю – где?

– Не знаю, как получилось, – бегая взглядом, пролепетал бывший ветеринар. – Сидел-сидел... и вдруг заснул. Как-то само собой так вышло...

– И само собой на топчан улегся, и само собой курточкой укрылся, – ядовито проскрипел Толхаев. – А я теперь, значит, крутись, как хочешь, выводи тебе анамнез и назначения, да? А он, может быть, коли ошибусь на граммулечку, как раз от этого и загнетса...

– Ты че, отморозок?! – мгновенно сориентировался «кожаный» № 1, нависая над незадачливой «сиделкой» с поднятыми кулаками. – Да я тебя, конь фанерный...

– Да заткнитесь вы все! – желчно воскликнул Толхаев. – Не хватало еще, чтобы капельницу разбили! Ну-ка, выметайтесь отседа – работать мешаете...

Совсем «выметаться» соратники Никиты не пожелали: то ли не доверяли «черному хирургу», то ли боялись пропустить какой-либо особо важный момент. Но от раненого удалились и притихли. Сгрудились в уголке, подальше от топчана, и принялись тыкать под бока незадачливого коновала, шипя ему в уши о грядущих перспективах.

Толхаев между тем разложил на столе припасенный загодя блокнот и быстро набросал назначения. Затем легким педагогическим усилием вырвал «фельдшера» из пылких дружеских объятий и минут десять подробно его инструктировал на предмет ухода за раненым, требуя, чтобы тот делал пометки в блокноте.

– Печь сильно не топите, – предупредил Григорий Васильевич, протягивая «кожаному» № 1 пакетик с искореженной латунной оболочкой. – Только на ночь, не более двух часов. Погода пока вполне располагает. Керосинку без надобности не палите – ему чистый воздух нужен.

– Это зачем? – недоуменно наморщил лоб «кожаный», рассматривая пакетик на про-свет.

– А-а-а, вон как! – понятно кивнул Толхаев. – Тебе, значит, шкуру пока что не дырявили. Ну ничего – у тебя еще все впереди. При вашей специфике труда...

– Не каркай, док! – досадливо нахмурился соратник Никиты, суеверно отстукивая по столу и трижды плюя через левое плечо. – На хера мне эта железяка? Экспертизу мы делать не собираемся, и так знаем – кто.

– Отдашь ему, когда оклемается, – Толхаев кивнул на топчан в углу. – Тебе не понять. Для того, кто вернулся с того света, этот кусок железа – ценная реликвия. Не выбрасывай, он тебе потом будет благодарен.

– Ладно, – кивнул «кожаный», пряча пакетик в карман. – Что еще?

– Список медикаментов передал, – принялся загибать пальцы Толхаев. – Назначения написал. Телефон мой у вас есть. Фельдшер постоянно находится рядом, никуда не отлучается. Если какие проблемы – сразу звонит мне. Мобила есть?

– Моим попользуется, – решительно сказал «кожаный», доставая из кармана куртки мобильный телефон. – Ради такого дела...

– Ну вот, собственно, и все. Транспортировать его пока нельзя. Я скажу, когда можно будет перевезти, – Толхаев выразительно потер пальцами. – Расчет?

«Кожаный» № 1 покосился на раненого и шмыгнул носом. Ствол карабина, торчавший из оконца, показательно шевельнулся. Голова Рудина разверзла уста и лениво произнесла:

– Саша! Намекни Соловью – пусть подтянется сюда.

– Понял, – раздалось из-за двери. – Наменяю.

– Доверять надо людям, – осуждающе буркнул «кожаный», доставая из внутреннего кармана куртки конверт и протягивая его Толхаеву. – Какие тут могут быть заморочки? Ну реально – ты же меня не первый день знаешь! А потом – тебе же еще швы снимать...

– Доверяй, да проверяй, – буркнул Толхаев, пересчитывая доллары, и, упрятав конверт, быстро покатился к выходу, втянув голову в плечи. Эти бандосеры – публика еще та! Был случай при аналогичных примерно обстоятельствах: после своевременно оказанной помощи вместо обещанных баксов пытались угостить свинцом. Только не учли, щенята молочно-зубые, что имеют дело с ветеранами ратного труда, умудрившимися пережить с десятков локальных войн. Пришлось Толхаеву там же, на месте, оказывать дополнительные услуги травматологического профиля. Бесплатно...

Едва Григорий Васильевич выкатил на порожек, Ваня Соловей, «не доверявший» под дверью совместно с Маслом, шустренько скакнул в потрепанный «уазик», сиротливо при-
ткнувшийся рядом с бандитским микроавтобусом «Форд» (на нем Никиту привезли), и отогнал машину к опушке. Пришлось Григорию метров пятьдесят самостоятельно шкандыбать со скрипом по припорошенным слоем хвои корневищам и кочкам. Рудин и Масло инвалиду не помогали – они пятились следом, направив стволы карабинов в сторону сторожки. Опасную зону проскочили на одном дыхании, рывком забросили инвалида совместно с креслом в специально оборудованный грузовой отсек и, перегазовав, удрали с места событий.

Дух перевели только после того, как удалились от сторожки метров на пятьсот и убедились, что на данном этапе погони можно не опасаться.

– Ох и не люблю я этих... – буркнул Ваня Соловей, вырвав на хорошо утрамбованную лесную дорогу, ведущую к скоростному шоссе. – Такие молодые, а такие... ублюдки, короче. Конченые.

– А я от них в восторге, – криво ухмыльнулся Рудин. – Пока «бычка» на улице не встречу – как будто чего-то не хватает. А как увижу, как услышу – все во мне заговорит...

– Заедем в «Эльдорадо», позавтракаем, – солидно заявил из грузового отсека Толхаев. – Угощаю! Заслужили.

– А! Совсем забыл, – спохватился Рудин. – А ну, отдай баксы!

– Чего это? – встопорщился Толхаев. – Позавтракаем в «Эльдорадо», потом Алисе отдам. Лично. Кто работал-то?!

– Никаких «Эльдорадо», – сурово отрезал Рудин. – Я же предупреждал! Саша – ну-ка, намеки.

– По черепу или в поддых? – флегматично уточнил устроившийся с инвалидом в грузовом отсеке Масло. И непонятно было – шутит или где. С такого станется – возьмет и в самом деле «намякнет», дурак здоровый!

– Жлоб ты, Пес! – дрожащим от обиды голосом воскликнул Толхаев, передавая Рудину деньги. – Ох и жлоб... Путевка-то – четыреста пятьдесят стоит! Ну и что тебе – «Эльдорадо»? Раз в квартал людьми себя почувствовать...

– Не хнычь, Гриша, – миролюбиво пробурчал Рудин, пряча деньги в карман. – У нас сейчас каждый рубль на счету. Если Кузя питомник арестует – будем без копейки сидеть, пока Алиса не вернется. А получится у нее или нет – бабушка надвое сказала.

– Сто баксов, а? – продолжал канючить Толхаев. – Праздник души – за сто баксов! Не жлоби, Пес!

– Все, я сказал! – прикрикнул Рудин. – У тебя уже был праздник – одной только текилы выкушал баксов на сто, не меньше. И не ной – а то высажу, пешком до города поедешь!

– Господи, чтоб мне сдохнуть!!! – с чувством невыразимой горечи воскликнул Толхаев – и собрался было до конца суток заткнуться в гордом молчании: пусть сами потом на коленях ползут, чтобы простил засранцев, кормилец народный... Но тут «УАЗ» как раз выехал на шоссе, набрал скорость, и – надо же такому случиться! – именно в этот момент, как назло, мимо моторно просвистел двухместный кровавый «Форд Мустанг» с открытым верхом. Холеный мужик средних лет, заседавший гордо в отделанном белой кожей салоне, даже не оглянулся на допотопную отечественную модель.

– Ай, некстати! – поморщился Рудин. – Ну, сейчас начнется...

– Ой-й-й-й, бля-а-аа!!! – тоскливо заорал Толхаев, провожая взглядом спортивную модель. – Господи-и-и! Кем я был, а? Да я же вас всех кормил – вот этими руками, вот этой башкой, мать вашу!.. Вы же у меня как у Христа за пазухой жили, отморозки фуевы!

– Тише, тише, Гриша, – сочувственно пробормотал Масло, глядя инвалида по голове. – Мы помним, мы все помним...

– Отлезь от меня, предатель! – взвизгнул Толхаев, отталкивая Сашину руку. – Кем я был, а?! Да чтоб за паршивую штуку баксов я так уродовался тогда... Ой-й-й-й... Да чтоб мне сдохнуть!!!

– Ну и что мне сделать, чтобы ты прекратил истерику? – уныло поинтересовался Рудин. – «Эльдорадо» отпадает. Сейчас на первом же обменнике встанем, поменяю сотку, дам тебе десять баксов – иди трать, как душа пожелает. Больше не могу. Такой вариант устраивает?

– Господи, кем я стал?! – горестно причитал Толхаев, игнорируя попытку к примирению. – Чем я стал?! Господи, уму непостижимо...

Кстати, уважаемый читатель: пока наши парни едут по направлению к городу и выясняют отношения, предлагаю для тех, кто с ними ранее не встречался, коротенько пояснить природу причитаний инвалида, у которого суровый, бездушный друг жестоко отнял честно заработанные доллары. То есть кем он, в самом-то деле, был, кем стал и как вообще дока-тился до жизни такой совместно с друзьями-товарищами...

Григорий Васильевич Толхаев – уроженец города Белогорска, сорока четырех лет от роду. Окончил в свое время мединститут, работал в Афганистане – был хирургом на эвакуационном пункте, где оказывал неотложную помощь раненым. Отравленный тлетворным духом войны, молодой врач после возвращения с неласкового юга бросил к чертовой матери свой основной профиль, ударился в коммерцию и за короткое время выбился в люди. Если бы вы два с небольшим года назад спросили любого жителя Белогорска (а это большой областной центр под полтора миллиона, не какой-нибудь Краснореченск с тремя тысячами жите-

лей!), кто такой Толхаев, вам бы ответили попросту: да что вы, не знаете, что ли? Это же у нас одна из самых крупных шишек на ровном месте!

Да, два с небольшим года назад Григорий Васильевич Толхаев в свои сорок два года сумел достичь многого. Тогда он являлся владельцем крупного фармацевтического комбината межрегионального масштаба, держал солидные пакеты акций нескольких областных предприятий сельскохозяйственной ориентации, входил в состав правления Белогорпромбанка, занимавшего далеко не последнее место в федеральной таблице о рангах, и, если верить негласной статистике, на протяжении последних пяти лет прочно обосновался в первой десятке самых обеспеченных людей области. Правда, злые языки втихаря поговаривали о сомнительном происхождении стартового капитала, положившего начало столь бурному процветанию. Ходили слухи, что Гриша Толхаев на заре перестройки некоторое время числился в «черных хирургах»¹ одной из группировок Белогорска и имел в друзьях многих криминальных авторитетов. Но в этом его вряд ли можно было упрекнуть без риска подвергнуть сомнению респектабельность остальных представителей промышленно-финансового ареопага области: с некоторых пор, как известно, структурные составляющие современного общества перестали жестко делиться на законопослушные и наоборот, грани между ними стерлись и стали недоступны взору простого обывателя, который отчетливо видит только одну сплошную сытую банду, именуемую «новые русские».

Теперь пару слов о соратниках Толхаева. Сергей Николаевич Рудин, пенсионер внутренних войск, старший прапорщик в отставке, сорока лет от роду, рост – 175, вес – 75 кг, стандарт, короче. При ходьбе слегка прихрамывает на правую ногу, которая на три сантиметра короче левой – следствие тяжелого ранения пятилетней давности. Женат вторым браком, супруга – Алиса, 1963 года рождения, приемный сын Борька – хулиганистое обаятельное отродье тринадцати лет, который, как вы вскоре узнаете, и послужил первоисточником всех напастей, описанных в этой книге.

Рудин – профессиональный кинолог, всю свою сознательную жизнь посвятил изучению и воспитанию собак, в лучшие годы жизни в Белогорской области и далеко за ее пределами был известен как великолепный знаток собачьей психологии и ас дрессуры. Большую часть времени Рудин проводит на природе и в постоянном движении: вечно носится как угорелый со своими собаками и промышляет в лесу чем придется. Друзья зовут его не совсем корректно – Пес. Однако это вовсе не оскорбление, такова боевая кличка Сергея, которой его в свое время щедро одарила Родина за двадцатилетнюю безупречную службу.

Неглиже Рудин выглядит как перетрудившийся по недосмотру главного олимпийца Аполлон: ни капельки жира, сухие рельефные мышцы, свидетельствующие о потенциальной мощи их обладателя – хоть анатомический атлас пиши. Впечатление несколько портят два страшных шрама: чуть поменьше – под правой ключицей и несколько больше – на верхней четверти правой лопатки, которые почему-то не желают загорать и зловещими чужеродными пятнами белеют на бронзовом теле атлета. О характере происхождения шрамов наш атлет предпочитает умалчивать – хотя в излишней скромности его никто упрекнуть не может. Просто не нравится ему та история. И я вас по-дружески предупреждаю: если вы вдруг ненароком встретитесь с этим парнем, ни в коем случае не приставайте с расспросами. Есть реальный риск без предупреждения схлопотать в дыню. Оно вам надо?

Саша Маслов и Ваня Соловей – под стать лидеру своего маленького крепкого коллектива: оба бывшие вояки, хорошо знакомые с собачьей службой, исколесившие практически все «памятные места» и вышвырнутые из Вооруженных Сил за скверный характер. Стреляют на звук из всего, что имеет длинный ствол, и отличаются хорошей антропометрией – только Ваня Соловей, пожалуй, будет поздоровее других да поискуснее в разнообразном

¹ Врач, оказывающий бандитам услуги противозаконного характера (жарг.).

рукоделье. Например, для Рудина и Саши закрутить гайку или ровно обстругать дощечку – проблема, а Ваня с закрытыми глазами соберет вам любой агрегат, если имел возможность наблюдать, как его разобрали, починит телевизор при помощи одной отвертки, запросто смонтирует из подручных материалов мину и установит ее под порожком так, что ваши детишки и супруга могут шастать туда-обратно сколько влезет, а вы непременно стартуете в небеса, едва только наступите (ведь жена должна весить меньше вас – ежели это не так, принимайте меры, иначе она не в меньшей опасности, чем вы!). Мастер на все руки, одним словом – еще встречаются среди русского люда такие самовыродки.

В свое время Толхаев, не зная куда девать деньги, таскал всех троих к психотерапевту. Сам прошедший через горнило войны, бывший хирург искренне заботился о психическом здоровье своих подопечных, опасаясь, как бы они друг друга под горячую руку не перестреляли или не натворили чего похуже в отношении мирного населения, имевшего о войне самые отдаленные представления. Только зря старался Григорий Васильевич: межличностные конфликты в микрогруппе как таковые отсутствуют и эмоционального срыва от кого-либо из этих парней вряд ли дождешься. Все понимают друг друга с полуслова, потому как леплены из одного теста и прошли через одну мясорубку, именуемую в просторечии службой в «горячих точках». Психотерапевт попался честный и в конце курса поделился с Толхаевым под большим секретом ценной информацией: тут, батенька, патология, лечению не подлежит – до того все запущено. Уроды они у тебя. Моральные. Шкала социальных ценностей данных гомо собакинус смещена в сторону удовлетворения трех основных инстинктов, стремление расти по социальной лестнице начисто отсутствует, чувство страха перед лицом возможной смерти практически атрофировано. А еще они натуральные гомофобы! То есть собак любят гораздо больше, чем людей. И предводитель их – который Пес – объясняет эту свою странную избирательность довольно своеобразно:

– У них (людей то бишь) есть один лишний безусловный рефлекс: патологическая жажда наживы. Павлов был не прав – он не включил в свой классификатор этот долбанный рефлекс, от которого все беды и происходят. А у собак его нет...

С Толхаевым наша троица свела тесное знакомство благодаря воле случая. Рудин, как и его приятели, перебивавшийся в то время с хлеба на картошку, как-то случайно оказался в том самом месте, где Григорий, слетевший на своем «Ягуаре» с трассы, собирался слегка затонуть по пьяному делу. Ветеран малых войн, не задумываясь, спас миллионера и послал его ко всем чертям – пьяниц наш парень на дух не переносит, особенно таких, которые за рулем грешат этим делом. А Григорий, в благодарность за содеянное, пригрел бывших вояк: дал место под солнцем, хорошую работу и вообще распростер над ними всевозможный протекторат, благо для него в ту пору это не составляло никакого труда.

Но, как говорят последователи Гайдара, недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах. Попали наши славные ребята в сферу интересов сильных мира сего – как кур в ощип. История эта долгая, и кто желает с ней ознакомиться подробнее, читайте две первых книги о приключениях Пса и его команды – сейчас мы останавливаться на этом не станем в целях экономии вашего времени. Вкратце же получилось следующее: в родном Белогорске на Рудина и его друзей имеют зуб чуть ли не все подряд, кто занимает там хоть какое-то положение в местной табели о рангах, а помимо этого один сильно крутой дядька из столицы нашей Родины. Якобы Пес спер деньги, принадлежавшие одному преступному сообществу, осуществил ряд «ликвидов» членов другого сообщества, а под занавес в извращенной форме отправил в лучший мир самого дорогого человека того сильно крутого дядьки и теперь знает об этом дядьке нечто такое, что волосы дыбом встанут – и не только на голове! Представляете? Ересь какая-то, да и только.

На самом деле Рудин славный парень и душка – вы мне поверьте, я его хорошо знаю. Денег он, естественно, не брал, никаких «ликвидов» не осуществлял, а если и пришиб кого –

так это только в порядке самообороны. Обстоятельства так сложились. Любимого же человека крутого дядьки вообще Алисины собаки загрызли. Расстарались в порядке оказания гуманитарной помощи вожаку стаи (это Пес – вожак), безнравственно опоенному какой-то дрянью и потому пребывавшему на момент, предшествовавший загрызанию, практически в невменяемом состоянии. И ничего такого страшного ни Серега, ни его близкие об этом дядьке не знают, кроме, пожалуй, того, что он живет в столице, имеет под рукой небольшой отряд высококвалифицированных мастеров ратного дела и время от времени развлекается исполнением тех самых дорогостоящих «ликвидов». Стоит ли из-за этого так волноваться?

А вообще, если отбросить всякие ужимки, Рудин со товарищи влипли в большущий конечный продукт дефекации. Одна умненькая девица их всех так мастерски подставила, что выгребаться придется до конца жизни. Деньги у белогорских украдены большие, поэтому искать будут целеустремленно и вдохновенно, на усущку и утруску не спишут. А товарищи, которых ликвидировали, – тоже ничего себе, на ровном месте шишки. Пришлось экстренно удирать на все четыре стороны – сначала из Белогорска, затем из подмосковной усадьбы, которая стала для наших беженцев временным пристанищем. Нет, «на все четыре стороны» – это, конечно же, образно и неконкретно. Это в приключенческих романах герои вольны болтаться по миру как им заблагорассудится, а в реальности все гораздо сложнее. Судите сами: Рудин, Алиса, Борька; Соловей, жена Ниночка, их сын Денис; Саша Маслов; инвалид Толхаев да плюс четыре собаки – довольно приметная куча млекопитающих получается. И, разумеется, в отличие от книжных героев, наши приятели направили свои стопы туда, где можно было на первых порах «зацепиться». Особого выбора у них не было, потому всем гамузом прибыли на историческую родину Соловья – в районный центр российской глубинки Краснореченск, расположенный среди ельника и торфяных болот.

Капитала, который удалось прихватить с собой благодаря неразумной расточительности некоего Лиховского – ныне усопшего мужа ныне усопшей же сестры Алисы, едва хватило на первичное обустройство и приобретение рабочей базы. А именно: подправили притулившийся на окраине домишко матери Соловья, в котором Ваня поселился со своим семейством; на той же улице, через три двора, приобрели за недорого примерно такую же халупу для Рудина с Алисой, выкупили у муниципалитета никому не нужный и развалившийся от бесхозности государственный питомник (а всего-то питомника было – кусок земли на самом отшибе, без забора даже, три разворованных одноэтажных строения да приспособленная под свалку тренировочная площадка). Оставшиеся две тысячи долларов на семейном совете решили строго хранить в качестве неприкосновенного запаса – на случай внезапных бед, болезней и иных ударов судьбы.

С расселением непарных млекопитающих наши приятели определились просто: ризены и Гриша Толхаев обосновались у Рудиных, а Сашу Маслова, Ингрид и спаниеля Джека взял на себя Ваня Соловей. Впрочем, хитроумный Саша докучал Соловью недолгое время: нашел себе вдову на пять лет старше и теперь полноправным хозяином живет на соседней улице в добротной усадьбе, по сравнению с которой жилища соратников – натуральные курятники.

Вскоре выяснилось, что сохранить «неприкосновенный запас» не получается – обстоятельства суровые, как всегда, вмешались и порушили благие намерения. Вы ведь наверняка знаете, что для нормальных среднестатистических россиян такое вот мелкобуржуазное накопительство – непозволительная роскошь. Трать их, родимые, трать – чего на них смотреть! Живы будем – заработаем...

Через неделю Алиса, прискучив наблюдать, как все вкалывают на реставрации питомника, почувствовала свою острую социальную неполноценность и закатила Рудину истерику. Компьютер ей захотелось, видите ли! Дело в том, что в прошлой жизни Алиса

Рудольфовна, хорошо владевшая тремя иностранными языками, весьма сносно зарабатывала техническими переводами и обузой быть не привыкла.

– Да лучше я застрелюсь, чем огорчу свою коханую! – сурово воскликнул Рудин и выдернул из загашника пятьсот баксов.

Алиса взяла подержанный, но вполне приличный 133 ММХ с модемом, подключилась к Интернету по местной разбойной цене – полтора доллара за час! – и принялась трудиться под псевдонимом.

А еще спустя некоторое время веселую компанию опроблемил Гриша Толхаев.

– Хватит прозябать, в задницу! – солидно заявил Григорий Васильевич. – Побаловались – и будя. Посидел я у вас на содержании – теперь моя очередь стол накрывать. Собирайтесь-ка, хлопчики, смотайтесь за деньжатами...

Это его «пробило» в связи с заметным улучшением состояния. Стал помаленьку ползать наш экс-миллионер, перемещаться – колясочку ему захотелось. Да не абы какую, а импортную, желательно «самокат» да со всеми прибабасами. А черствый, жестокий, бессердечный Пес ни в какую: подожди, говорит, маленько – с питомником разберемся, потом будем думать о твоей коляске. Вот и решил Григорий Васильевич напомнить забывчивым товарищам, кто тут самый главный меценат и доброхот.

Товарищам идея как-то не импонировала – опасно было возвращаться в неласковый родной город и совершать там хоть какие-то телодвижения. Однако Григорий проявил напористость и убедительно аргументировал свои пожелания – он вообще за словом в карман никогда не лез.

На разведку отправили Сашу Маслова – как наиболее неприметного и малоизвестного из компании. Оседлал он самое дорогое (в материальном плане, разумеется), что у них было – «99-ю», непрошено позаимствованную у ныне усопшего мужа ныне усопшей же сестры Алисы, и помчался вдаль, навстречу новым приключениям на известное место.

Ну и ничего хорошего, как вы уже сами наверняка догадались, из этого не вышло. В усадьбе Толхаева, где Саша должен был непременно напороться на личного секретаря Григория Васильевича – некоего Рурика, всюю проживал какой-то подозрительный типус с физиономией отъявленного мерзавца, а вышеозначенным Руриком даже и не пахло. Типус, вышедший к воротам пообщаться с Сашей, понятливо кивнул, сказал:

– Ща, звякну – подскочет... – И действительно – позвонил.

Спустя малое время к усадьбе подъехал лучший друг Толхаева – Руслан Саранов (белогорский миллионер тож), со свитой вооруженной, и задушевно этак напутствовал Сашу: а вали-ка ты, друже, обратно, да поживее! И передай своему инвалиду: ежели он вдруг явится сюда или кого пошлет вдругорядь, то его самого либо посланца немедля отловят и передадут в руки заинтересованных товарищей. А у тебя есть пять минут, чтобы убраться – потом самопроизвольно начинается лихорадочная стрельба по площадям...

Саша не глупый – два раза просить не заставил. Убрался. Но недалеко. За городским кругом обнаружил многоопытный ветеран локальных войн слежку за собой и понял, что злонаправный друг Григория Васильевича одним только напутствием не ограничился. Масло дважды проверился – «хвост» был достаточно внушительным: две одинаковые «бэшки» пятой модели, содержащие в себе почти отделение круглолицых мальчуганов при оружии. Саша «соскочил» просто и расточительно – на многолюдной заправке посетил супермаркет, вышел с хозяйственного двора, сел на первого попавшегося дальнобойщика и был таков. В общем, подарил транспорт врагу, но спас всех подряд от большущих неприятностей.

– Все они уроды, – без эмоций резюмировал Рудин, заслушав доклад вернувшегося Саши. – Следовало ожидать. Ну и хрен с ними – бог их накажет...

Григорий Васильевич отнесся к известию несколько иначе. Он воспринял случившееся как глубокое личное горе, страшно оскорбился изменой лучшего друга – Саранова – и впал в долгосрочную депрессию.

– Кем я стал?! – теперь такой горестный вопрос можно было слышать ежедневно, с многократной репризой. – О-о-о, кем же я стал?! Я обуза для всех, обуза – мне нет места в этой жизни! Застрелюсь, в задницу! Или зарежусь...

Некоторое время прятали карабины и все колюще-режущие предметы, затем Рудину это надоело, и он поспешил вмешаться в дальнейшее развитие событий. Подготовился соответствующим образом, собрал семейный совет, приняли решение... В один прекрасный день Сергей провел с мучеником вдумчивую беседу, суть которой сводилась к следующему: чушь это все, ты нам нужен, мы тебя любим, помним твою доброту, и хватит дурью маяться – со временем все образуется. А в доказательство нашей тотальной любви и приязни – вот. Хлопнул в ладоши: ап! Двери распахнулись, и Соловей вкатил инвалидную коляску: новенькую, с иголочки, да не какого-нибудь монстра полутонного отечественного, а симпатичную модель фашистского производства. Правда, не «самокат», а механическую – но очень добротную и удобную до чрезвычайности. На «самокат» просто денег не хватило: и механическая обошлась довольно дорого, вдобавок к имевшимся сбережениям пришлось занимать у друга Соловья – некоего Кузи.

Толхаев радовался как ребенок. Освоившись с новыми «ногами» и слегка окрепнув, гонял по улице с крейсерской скоростью, распугивая соседских кур и повергая в панику мирно дремлющих на лавках бабуль.

Таким образом, от мелкобуржуазной «заначки» ничего не осталось. Никого, впрочем, это не огорчило – все были рады, что Гриша наконец-то воспрял духом и почувствовал себя если не полноценным членом общества, то по крайней мере – подчленником или даже око-лчленом, способным самостоятельно перемещаться и решать какие-то вопросы...

Питомник «подняли» за три месяца, вкалывая по шестнадцать часов в день и подра-батывая где придется для пополнения скудных финансовых вложений в общее предприя-тие. Поначалу решили все сделать честно и добропорядочно, но увы – обстоятельства были сильнее всякого желания жить по правилам! Цены кусались, чиновники привычно подми-гивали, открывая, как бы между прочим, верхний ящик стола – затраты получились раза в полтора большие, нежели планировали. Пришлось действовать как привыкли: тащить ото-всюду помаленьку, по дощечке, по кирпичику, подворовывать на окрестных новостройках и дачах. Ну и, разумеется – без этого никак! – дважды были застигнуты на месте преступления и обстреляны дробью хозяевами рачительными, отчего у Саши Маслова на попе осталась довольно своеобразная татушечка туземно-тотемного типа. Однако результат с лихвой ком-пенсировал все моральные траты: питомник вышел на загляденье, аккуратный, чистенький, красивый – словно только что отстроили. Теперь оставалось заселить его кем положено и приниматься за работу.

– Вот уж точно – основой любого крупного состояния обязательно является какой-нибудь криминал или мошенничество, – вольно переврал классика Рудин, когда они с Соло-вьем обследовали местный рынок околособачьих услуг и себя на этом рынке в упор не уви-дели. – Придется уподобиться гашековскому Швейку – другого пути не наблюдаю...

Действительно, на весь трехсоттысячный Краснореченск было зарегистрировано целых четыре заведения, которые дрессировали собак и учили хозяев, как с ними обра-щаться. Все они работали по наиболее простому и современному импортному методу: давали владельцу собаки общие навыки дрессуры, «ставили» псу управляемую агрессию и охранные навыки и через полтора-два месяца занятий выпускали готового к функциониро-ванию защитника семьи, охранника и служаку. За услуги тутошние кинологи брали доста-

точно дорого, но быстрота обучения и кажущаяся эффективность результата вполне удовлетворяли краснореченских собаководовладельцев.

Рудин же с коллегами привыкли работать по старинке, руководствуясь нерушимыми постулатами отечественной школы, которые настоятельно требовали тратить на подготовку собаки от четырех до шести месяцев. В процессе этой подготовки специалист глубоко и всесторонне изучает психологию пса и его владельца, притирает их друг к другу, учит понимать и любить равновелико каждую половинку тандема. В отличие от экспрессивного импортного метода дрессуры, который предполагает в первую очередь тренировку навыков и насильственное внедрение установок, наша старая школа делает особый упор на воспитании взаимопонимания и правильного поведения, что ляжет затем в основу всех последующих отношений между псом и его владельцем.

Как показала прежняя практика, нашим парням с их старозаветными замашками составить конкуренцию современному методу не стоило даже и пытаться. Немногие доголюбы по нашему нетерпеливому времени предпочитают качество высшей пробы и длительную шлифовку мастерства быстрому и внешне вполне приемлемому современному методу. А перестраиваться на новый лад Рудин со товарищи не могут и не хотят – и дело тут вовсе не в патологической добросовестности и титанической твердолобости, являющейся следствием двадцатилетнего пребывания в Вооруженных Силах. Если подходить к данному аспекту упрощенно, уместно будет такое сравнение: это примерно то же самое, как после высококачественного секса с лучшими представительницами прекрасного пола добровольно перейти на синтетическую вагину и порножурналы. Нормально? А чтобы вредные скептики – приверженцы новаторских методов – не морщили жирные губы в ехидной ухмылке, вот вам конкретный пример из личной практики Рудина, исчерпывающе иллюстрирующий те особые отношения в тандеме человек – собака, что дает нам консервативная школа отечественной дрессуры...

...В конце марта 1995 года Рудин со своей рабочей парой – немецкими овчарками Ингрид и Рэмом был придан сводному отряду для «отработки» одного из районов Грозного. Погода стояла мерзопакостная – туманная морось с редкими просветами, – настроение было примерно такое же, как и всегда в таких случаях, когда приходится заниматься заведомо бессмысленной работой для «галочки».

– Понятно, если захотят – обязательно завалят или взорвут, хоть ты обосрись, – выразил на инструктаже общее мнение командир сводного отряда. – Но наше дело маленькое: сказано – значит, «чистим»...

«Отрабатывали» район в связи с намечавшимся прибытием какой-то импортной комиссии, желавшей в преддверии надвигающегося тепла оценить эпидемиологическое состояние полуразрушенного города, чтобы потом совместными усилиями бороться со всеми подряд ящурами, холерами и прочими напастями военной поры. Суть такой «отработки» состоит в следующем (обратите внимание, как солидно звучит!): отловить в обозначенном районе всех вражьих снайперов, найти и обезвредить установленные специально на комиссию мины-фугасы-растяжки, обнаружить заготовленные боевиками для засад позиции и схороны с оружием и, вообще, всесторонне обеспечить для этой комиссии полнейшую безопасность. Раз-два – отловили, три-четыре – нашли, обнаружили и обезвредили, и – сидим спокойно на контрольных точках и курим. Нормально!

Неэффективность данной «чистки» двойственна, она очевидна для любого солдата, который сидит на блокпосту или на заставе, и отчего-то недоступна пониманию верхних золотопогонных дядек, хоть в народе и говорят, что сверху виднее. С точки зрения нормальной тактики, такая чистка – напрасная трата времени, поскольку Грозный наспигован войсками, как портовый город шлюхами, и вроде бы полностью контролируется федеральным командованием. Это примерно то же самое, как если бы вы, безвылазно находясь целый день

дома, перед сном решили проверить все шкафы – а вдруг забрался кто?! (Интересно, как на вас посмотрели бы ваши домашние?)

А точку зрения низового ратного люда, который все здесь вдоль и поперек облазил и изучил обстановку в районах не хуже, чем конфигурацию сосков любимой женщины, озвучил командир сводного отряда – смотрите выше. Три месяца войны показали, что «духи» отнюдь не идиоты с камикадзешными наклонностями, к встрече гостей готовились основательно и резервы родного города используют на все сто – в том числе и подземные коммуникации. Иными словами, пока наш официоз орет о спокойной обстановке и докладывает об окончании очередной фазы контртеррористической операции, местные товарищи шастают меж застав и блокпостов, когда и куда им заблагорассудится, и потихоньку делают все, что пожелают. Вот вам двойственность.

В подобном мероприятии Рудин участвовал дважды, и сейчас, как и в первый раз, такое времяпрепровождение ему здорово не понравилось. Массовка здесь была еще та: триста человек, два десятка собак, шум, гвалт, неразбериха в эфире – похоже, командование наше целью ставило не «отловить и обезвредить», а посильнее нашуметь и впечатлить противника численностью – авось не ползут.

Сергея, возглавлявший «группу ликвидации снайперов», привык работать индивидуально, по определенному профилю и непременно добиваться результата. На чистку же согнали с соседних подразделений кинологов с разномастными собаками-саперами, наскоро обученными для обнаружения взрывчатки, и в их компании Рудин со своими филигранно вышколенными антиснайперами чувствовал себя, как потомственный английский аристократ, попавший по какому-то чудовищному недоразумению в кафе дальнобойщиков.

– Результата я вам не дам, – предупредил Сергей командира сводного отряда, который при распределении кинологов по секторам оставил Рудина с «немцами» при своей персоне. – На тротил мы не натасканы, а искать «гнезда» в такой массовке –дохлое дело.

– Мне твой результат до одного места, – подмигнул Рудину командир. – Полсектора пробьем, сядем где-нибудь в удобном месте, побалакаем. Моему водиле вчера посылку из дому привезли...

Надо вам сказать, что командир сводного отряда Серёгу не наобум себе оставил, ткнув пальцем в список, а специально, имея в виду заполучить интересного собеседника из разряда знаменитостей, поскольку деятельность группы Рудина к тому времени уже успела обрасти нездоровой легендарной бахромой и где-то даже мифическим ореолом. А для тех, кто ранее с нашим собакоменом не встречался, следует пояснить, в чем же суть этой самой деятельности.

Группа ликвидации снайперов – это вовсе не панацея, как может показаться несведущим, а скорее вынужденная форма реагирования на суровые условия военной действительности. Лучшее средство против снайпера вне городских условий – минометная батарея и малопьющий корректировщик (совсем непьющих, увы, не бывает), при условии, что обе эти составляющие в ходе работы находятся на безопасном удалении, вне досягаемости снайперского выстрела. В городе против снайперов хорошо себя зарекомендовали артиллерия и реактивные огнеметы. Тот факт, что гаубицы и самоходки не обладают большой точностью, особого значения не имеет – совсем не обязательно, чтобы снаряд залетел именно в ту комнату, где сидит вражий специалист. Достаточно нащупать и не спеша начать разрушать дом, в котором этот специалист оборудовал «гнездо». Подавляющее большинство вражеских снайперов – наемники внеичкерского происхождения, которые ценят свою жизнь и не собираются быть камикадзе – им за это не платят.

Однако зачастую бывает так, что утюжить минометами «зеленку» нельзя – в силу различных причин финансово-стратегического характера. То мораторий, рожденный в махровых кабинетах государственного аппарата (горным волкам нужно отдохнуть, набраться сил

и произвести перегруппировку – столичная диаспора не зря ест свой хлеб), то просто – район договорной. А в населенных пунктах сплошь и рядом прослеживается буйная фантазия военного командования, которое планирует размещение федеральных сил и средств таким образом, что не то что из гаубицы – из пулемета очередь безнаказанно дать нельзя, обязательно попадешь в своих, с соседней заставы, по прихотливой случайности расположенной в секторах твоего блокпоста.

Вот и придумали группы ликвидации снайперов, которые, как правило, состоят из кинолога с собачкой (или парой собак) и двух-трех снайперов.

По большей части коэффициент эффективности таких групп удручающе невысок, поэтому особого внимания им никто не уделяет – в военных мемуарах вы вряд ли встретите восторженные описания работы доморожденных антиснайперов. Причина проста и по военному времени никому не интересна. Уровень восприятия вибраций, шумов и великолепное чутье позволяют тренированной собаке легко обнаружить затаившегося в «зеленке» или в разрушенном доме снайпера. Ну вот, обнаружила она врага – а дальше что? Просто погавкать и сделать стойку – бесполезно, во-первых, хозяин не сможет с достаточной точностью определить местонахождение снайпера, во-вторых, лаем собака выдаст вектор перемещения группы и таким образом сорвет боевую задачу. Поэтому собаку для групп уничтожения готовят соответствующим образом: в случае обнаружения снайпера она должна кратчайшим путем и по возможности бесшумно выдвинуться к месту расположения снайпера и вступить с ним в единоборство. Естественно, маскироваться в процессе перемещения собаку научить очень сложно, а в большинстве случаев практически невозможно, поэтому, обнаружив врага – независимо, один он или с группой обеспечения, пес бросает все дела и сломя голову летит навстречу неизбежной гибели. В ходе подготовки псине целенаправленно внушают ложный постулат – оружие не причиняет вреда. Ее постепенно приучают к выстрелам, в результате чего собака на них практически не реагирует. Добраться до снайперской шеи ей удастся крайне редко – в лучшем случае посчастливится заставить группу обеспечения снайпера открыть огонь и тем самым обнаружить место «сидки». Но вот собачку завалили, снайпер с группой быстренько убрался восвояси, ненадолго оставив в покое облюбованный объект... А что осталось? Остался психически травмированный кинолог – без собаки. Мелочь по военному времени – кто будет сокрушаться по убиенной псине, когда вокруг пачками гибнут люди?! А вот кинолог... Он долгие месяцы готовил свою собаку к этому нормативному самоубийству, вложил в нее бездну труда, эмоций, успел привязаться, как к родному ребенку. Теперь он возьмет на питомнике новую собаку и опять начнет тренировать – готовить к неминуемой гибели. А для справки, между делом, следует сообщить, что черствых сухарей, равнодушных к судьбе своих питомцев, среди кинологов нет. Не водится как-то... Потому-то эффективность групп ликвидации крайне низка. Специалист-собаковод заранее знает, что его зверь обречен, и чисто интуитивно – не потому, что сволочь конченная, вовсе нет! – пускается на разнообразные ухищрения, чтобы избежать столкновения со снайпером – филонит, одним словом...

На предыдущих войнах Рудину доводилось бороться со снайперами, но работа эта носила скорее эпизодический характер и системного подхода не требовала. Более того, могу доверительно сообщить вам, что пачками эти снайперы по военной тропе Пса не шлялись и было их всего лишь трое за восемнадцать лет службы – правильно «обложенных» и взятых «за горло». То есть каждый снайпер – событие, рубеж, случай для учебника. А на первой чеченской сразу же пришлось приноравливаться к новым условиям и вырабатывать свою особую тактику, в корне несхожую с нормативной: любителей индивидуальных стрелковых забав во вражьем стане оказалось – пруд пруди, а вот так запросто терять своих четвероногих братьев Серега не собирался – они для него были куда как дороже, чем добрая половина человечества.

Так вот, методика группы Рудина сильно отличалась от стиля работы всех остальных подразделений подобного типа. Отличие выражалось в результате: за неполных три месяца Рудин, Масло и Соловей, приданные в комплекте к дуэту виртуозов Ингрид – Рэм, обезвредили четыре снайперских «бригады» и одного особого гнусного «индивидуала». При этом семейная пара – мама Ингрид и Рэм-сынуля остались НЕВРЕДИМЫМИ.

Теперь сопоставьте результаты доброй полусотни других групп по всей группировке, которые за тот же период совместными усилиями совсем «придавили» пяток снайперов и полтора десятка только спугнули, потеряв при этом более двадцати собак. Думаю, понятно, почему результативность команды Пса вывела ее в разряд уникалов?

Вкратце метод Рудина заключался в том, что он не обманывал своих питомцев насчет «неопасности» оружия, использовал их нестандартным способом и делал акцент на профессионализм работающих в группе снайперов. Система тренировок была построена таким образом, что у семейной пары Ингрид – Рэм постепенно вырабатывалась насильственно привитая установка: обнаруженный враг опасен – о нем необходимо экстренно дать знать хозяину – хозяин настигнет врага и убьет его. Таким образом, если не вдаваться в подробности, основное отличие Серегиной «домашней заготовки» от нормативной методики заключалось в том, что его собаки не бросались сломя голову на обнаруженного врага, а ложились, показывая направление, и ожидали дальнейших команд. Рудину стоило огромного труда, чтобы пересилить волчью натуру и приучить своих питомцев к столь нетипичному поведению. Коллеги-специалисты недоуменно качали головами и в растерянности разводили руками: любая нормальная псина «пастушьей» породы, почуявшая врага, позабыв обо всем, мчится, чтобы порвать его на части – это естественно, это не задавишь никакими тренировками! Рудинские же псы, если следовать общепринятым постулатам, вели себя как патологические уроды. Но благодаря именно этому образу действий они до сих пор оставались живы и успешно выполняли возложенные на них задачи...

Посылка пришла с Краснодара и, судя по всему, была безразмерной: когда, отработав полсектора, сели «побалакать», водила мимоходом обмолвился, что вчера, сразу по получению, «трохи присели с казаками», в результате чего двое из тех, что «присели», с ночи кукуют на гауптвахте – то есть в обычной яме под грядущий сортир, выкопанной экскаватором в расположении ОМОНа...

– Как пить научатся – сажать перестану, – отреагировал командир на проскользнувшую в речи домовитого водилы укоризну. – Они ж, гады, пошли к соседним артиллеристам и на форму хотели выменять осветительную мину. А те тоже были датые добре и вместо осветительной дали им фугас. Ты понял, нет? А мои тот фугас к нам притаранили и возле блиндажа пристроились с фонариком – разбирать. Хотели посмотреть, чего там такое светится – была у них, мать их, задумка – рассыпать на отъезд эту гадость буквами и поджечь – чтобы, значит, светилось издалека и с «вертушек» было видно. А я как раз посты проверил и покемарить шел. Ты понял, нет?! Если б не напоролся на них – оно бы им так засветило!!! Совсем одичали хлопцы – домой пора...

Спустя час с небольшим по радиии сообщили, что отработка вроде бы закончена, посты на контрольные точки расставлены и вообще, пора закругляться, потому как минут через двадцать комиссия поедет – в Ханкале две вертолетные пары сели.

– Точно, видели «вертушки», – удовлетворенно кивнул раскрасневшийся от кубанского самогона командир, поднимая минный колпачок². – Ну, за вертолетчиков!

– Чтоб пили в меру да по своим не стреляли, – подхватил Серега, чуть пригубивая свою порцию – до вечера еще предстояло поработать вокруг одной из застав полка, пере-

² Импровизированные стопки – на войне довольно удобно.

бравшейся на новое место, и следовало быть в форме. – Ну, Михалыч, я, пожалуй, пойду. Вам я тут уже без надобности.

– Ага, до Старопромысловского – пешком, – хмыкнул командир. – А вроде пил через раз, терминатор! Сиди уж – проедут, пойдем колонной.

– Да тут через три квартала застава наша стоит – вчера переехали, – пояснил Рудин. – Мне до вечера еще полосу отработать.

– Ну, тогда на посошок, – встрепнулся кубанский водила. – И полную – не обижай братьев...

Прогулявшись с псами через пустынный квартал, на перекрестках которого опасливо озирались по сторонам контрольные точки³, поддерживающие друг с другом зрительную связь, Серега добрался до крылечка с расстрелянной вывеской «ЖЭУ № 7», сделал ручкой бойцам поста, торчавшим неподалеку, и... застыл на месте.

– Оп-па! – встревоженно воскликнул Рудин, натягивая собачьи поводки и крепко сжимая ягодыцы.

– Ну чего ты там? – воскликнул старший поста, недовольно нахмурившись: на разводе между ним и Серегиными псами произошел инцидентик – парниша зачем-то пожелал потрепать Рэма по холке и чуть было не остался без детородного органа. – Проскакивай бегом! С Ханкалы комиссию везут, минут через пять колонна будет. Давай, давай!

– Свиной рулет! – помертвевшими губами прошептал Серега. – Точно, с запашком был... Обкормили кубанцы!!!

– Не понял? – начальственно подбоченился старший. – Ты или ближе подойди, или громче шепчи – не слышно ни хрена!

– Да кишку придавило! – Серега мотнул головой в сторону вывески: – Возьмите собак, я заскочу по-быстрому.

– Ну, конечно! Все бросили и пошли держать ему собак! – старший злорадно ухмыльнулся и жестом остановил подавшегося было к Сереге бойца. – Нет уж, браток, ты давай как-нибудь сам. Давай-давай, уматывай с дороги – ты в секторе!

– Чтобы вам всем вот так – да где-нибудь в центре Москвы! – стиснув зубы, пожелал Серега, беременным пингвином семеня к крылечку ЖЭУ и затылком ощущая гнуснейшие ухмылки бойцов. Пропал престиж! Теперь вся группировка будет судачить: а Пес-то, мать его так, вовсе не Безжалостный Ликвидатор, а просто – засранец...

За дальнейшее у особо чувствительных читателей прошу прощения – потому как собираюсь коротенько посвятить вас в некие пикантные подробности, которые старательно обходят стороной даже самые дотошные репортеры, со вкусом живописующие детали военного быта. Сие пояснение, разумеется, по большому счету можно было бы и опустить, но нам оно понадобится, дабы хорошенько понять состояние, в которое бравый парень Серега угодил благодаря кубанскому гостеприимству.

Обычно отхожие места в пунктах временных дислокаций войсковых подразделений оборудуют таким образом, чтобы обеспечить максимальную безопасность процесса дефекации. Как-то: располагают сортир в центре лагеря, защищают со всех сторон насыпными валами, плитами или просто зарывают в землю по самую крышу, или в большой яме выкапывают ямку поуже и поменьше и застилают досками. Вокруг посты наблюдения, на которых полубдительные соратники охраняют вас во время этого самого, вы находитесь вне поля зрения вражьих снайперов и чувствуете себя относительно комфортно. Каждый грамотный командир знает: если не соблюсти любое из вышеперечисленных условий, обязательно приключится какая-нибудь неурядица. Или «духи» бесштанного бойца утащат – если уборная

³ Группа от трех человек до отделения – чтобы не дать возможность «духам» невозбранно перемещаться из «неотработанного» в «чищенный» сектор.

на отшибе, или снайпер-извращенец в попу застрелит – ежели сортир торчит неприкрытый, как на обычной даче.

Вне пункта дислокации, если вы гуляете группой и вас есть кому прикрыть, *это* хоть и проблематично, но вполне терпимо. Забьетесь куда-нибудь в уголок – ложбинку – ямку, товарищи суровые встанут вокруг, ошетинятся «стволами» – и вперед!

А теперь представьте, что вы совсем один и вам приспичило. Собачки не в счет – они, конечно, хорошие бойцы, но стрелять, увы, не умеют, и, пока будут добираться до внезапно появившегося врага, вас, беззащитного, успеют продырявить минимум два раза. Почему вы беззащитны? Извольте: будь вы хоть трижды самым храбрым воином и отчаянным рубакой, но со спущенными до колен штанами вы беспомощны, как младенец. Лучше уж совсем без штанов, чем со спущенными. И пусть это постыдное состояние длится недолго, но оно имеет место, и никуда от этого не деться. В принципе вы можете сесть спиной к стене или к дереву и в процессе этого самого грозно пучить глаза и непрерывно водить «стволом» по сторонам, держа палец на спусковом крючке. Но! Настанет-таки минута, когда вам нужно будет вытирать задницу и надевать штаны (а вы не просто в одном трико на голое тело: даже если вы бывалый воин и бреник⁴ не носите – на вас тяжелая разгрузка с экипировкой⁵, толстый бушлат, ватные штаны на лямках, простые штаны на лямках – мал-мал зима все-таки!). И в этот момент (из личного опыта!) вам обязательно понадобятся обе руки и оружие придется положить на землю, забросить за спину, повесить на шею или к чему-нибудь прислонить – хоть наизнанку вывернись, по-другому никак не получается...

Зайдя в разоренный войной ЖЭУ, Серега не бросился в первый попавшийся угол, а, испытывая танталовы муки, потратил пять секунд на обозрение окрестностей – без малого два десятка лет службы в «горячих точках» выработали устойчивый стереотип поведения, который вот так с ходу не в силах был победить даже безжалостно атакованный кубанским свиным рулетом пищевод.

В помещении ЖЭУ все было как в нормальном доме военной поры: в меру взорвано, в меру засрано, копченые стены и потолок, всюду валялись какие-то окровавленные тряпки и влажный картонный мусор, не годный для костров – годный давно уже спалили. В стене коридора зиял полутораметровый пролом, представляющий взору нашего страдальца развороченные внутренности располагавшегося по соседству подъезда некогда жилого дома – аналогичный пролом, только поменьше, красовался на несущей стене ЖЭУ. Обычное дело – следствие попадания танкового снаряда. Через входное отверстие, кстати, виднелся обугленный остов этого самого танка с погнутой башней – рембатовцы, избирательно подчищавшие улицы после январских сражений, судя по всему, не сочли целесообразным тратить силы и время на транспортировку железной рухляди на базу.

– Лежать! – хриплым от страдания голосом распорядился Серега, топнув ногой слева от пролома, выходящего в подъезд. – Охранять!

Псы послушно растянулись на влажном мусоре, а хозяин, доскакав до входного отверстия, в три приема разоружил свою задницу и присел справа в уголке, на автопилоте выбрав наиболее удобное место: и фрагмент улицы виден, и спина прикрыта, и подъезд через внутренний пролом отчасти просматривается. А в общем-то, можно было и не напрягаться: только что этот дом «чистили», если бы кого нашли, обязательно «зачистили» бы – наверняка⁶ пол-ящика эргэдэшек⁷ испоганили.

⁴ Отечественные бронежилеты громоздки, тяжелы и малоэффективны. Снайпер все равно стреляет в голову, на мины вы наступаеете ногами, а в подавляющем большинстве случаев ваша жизнь зависит от быстроты, с которой вы перемещаетесь от укрытия к укрытию.

⁵ Разгрузочный жилет для переноски боеприпасов.

⁶ Да простят меня правозащитники, но зачастую случается, что в ходе такого рода мероприятий бойцы не выкликают гипотетических жильцов, которые могут остаться в секторе «зачистки», а тихонько бросают в подвал или подъезд гранату,

– Уохх-ха-ха! – сдержанным реготом огласил Серега закопченные своды ЖЭУ, испытывая глубокое единение с буйной радостью освобожденной кишки и невероятное душевное облегчение. Вот она – минута наивысшего счастья этой жизни, несправедливо обойденная вниманием и отчего-то не воспетая ни одним поэтом! Всего одна минута – и ты свободен и легок, как майский воздух в сосновом бору. Ты уже не озабоченный засранец, застывший на месте со скривившейся от напряжения физиономией и вынужденный терпеть унижительные насмешки товарищей, а снова гордый боевой пес, Безжалостный Терминатор, готовый рвать врага на части. Только прежде чем рвать, не забудь хорошенько вытереть задницу и надеть свои штаны на лямках. А для этого тебе нужно – что? Правильно! Ручки тебе нужны. Обе...

Поставив автомат к стене, Серега хорошенько помял страничку фронтовой газеты «Солдат правопорядка», изорвал ее на четыре равновеликих лоскутка, изогнулся буквой «зю» (жопа выше головы) и, ухватив левой рукой штаны, правую с газеткой поднес к нижней части спины...

И замер. Застыл в таком вот интересном положении. Псы ему не понравились. Носы повернуты к пролому, шерсть на загривке вздыблена, уши прижаты, показывают клыки и нетерпеливо косятся на хозяина – команды ждут. Рудин чуть сместил взгляд в сторону пролома и на секунду даже перестал дышать.

В подъезде стоял «дух». Нормальный такой «душара» – рыжий, бородатый, коренастый, обмотанный крест-накрест пулеметной лентой. «Дух» располагался к пролому в пол-оборота, держал в руках пулемет, ствол которого смотрел аккуратно на Рудина, и, прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы, недовольно морщил нос. Стоящего раком Серегу он не видел из-за яркого светового пятна, которым входное отверстие забивало темный угол, а запах влажных псов, лежавших буквально в метре от него, за порушенной стеной, не уловил из-за остро благоухавшего бывшего кубанского рулета.

– Чуцкя, – пробормотал «дух», и чуть мотнув «стволом», по-чеченски что-то сказал, повернув голову вправо.

Тотчас же в подъезде возникли черт-те откуда еще несколько силуэтов и неслышной поступью двинулись по лестнице на второй этаж. А рыжий стоял и контролировал ситуацию, прислушиваясь к звукам с улицы: оживленному говору бойцов на посту и медленно приближавшемуся лязгу бээмпэшек, сопровождавших колонну с комиссией.

В эти секунды, растянувшиеся для Рудина в вечность, наш славный рубака млел в положении «а-ля краб» и делал сразу несколько полезных дел: держал руки за спиной, боясь шевельнуться, периферийным зрением фиксировал «духов» в подъезде и страшным напряжением воли «держал» взглядом Рэма и Ингрид, глаза которых были переполнены всепоглощающим желанием пообедать вкусно пахнущим свежей бараниной «духом», торчащим в подъезде.⁸

Ситуацию в полном смысле слова спасала нетрадиционная методика, используемая Рудиным в тренировке псов для работы в группе ликвидации. Любые другие нормальные собаки, даже отлично вышколенные и дисциплинированные, давно бы уже бросились на врага, имевшего наглость стоять так близко. А семейная пара застыла косматыми глыбами и пожирала взглядами хозяина, ожидая командного жеста. Иными словами, любое мимолет-

а потом заскакивают сами, поливая пространство свинцом. Сим отмороженным товарищам есть веское оправдание – в нежилых на вид домах частенько прячутся «духи», от руки которых полегло немало нашего брата в процессе этих самых долбануток «зачисток».

⁷ Ручная граната.

⁸ «Дух» и солдат пахнут по-разному. Это обусловлено целым рядом факторов, которые самостоятельно может назвать любой, кто имеет даже самое поверхностное понятие о физиологии. Собаки эту разницу улавливают, что называется, за версту.

ное движение рукой в данной ситуации могло быть истолковано как разрешение изменить положение – со всеми вытекающими последствиями.

Вот потому-то и превратился Серега в монумент всем серунам Вселенной: указательный палец «духа» на спусковом крючке, чуть дернешься – получишь полкоробки в живот и псов угробишь к известной матери.

Секунды тянулись, как резина, красная пелена застилала взор – отчаянными импульсами Рудин излучал немой посыл своим меньшим братьям: «Лежать! Молчать! Не рычать!!!»

И не рычали ведь – хотя на тренировках никто это специально не отрабатывал: три существа в загаженном помещении как будто слились в единую биоэнергетическую сущность, крепко связанную мощным волевым усилием вожака...

Пропустив мимо себя засадную группу, рыжий «дух» с пулеметом нюхнул на прощанье аромат бывшего рулета и мягко утопал на второй этаж – плита потолочного перекрытия сообщала Рудину еле слышную возню изготавливавшихся для короткого боя⁹ «волков».

– Ле-жать! Ле-жать! Молчать!!! – свистящим шепотом подтвердил первоначальную команду Рудин, затем очень осторожно, не отпуская псов взглядом, вытер задницу вспотевшим от повлажневшей ладони клочком фронтовой газеты, натянул штаны на лямках, застегнул разгрузку и, взяв автомат, прислушался к звукам улицы.

Расслабляться пока что было рано. Судя по приближающемуся гусеничному лязгу и реву моторов, колонна на подходе, времени осталось меньше минуты. Самый простой вариант: выскочить на улицу и заорать бойцам на посту, что в доме «духи» – пришлось сразу же отринуть. Сразу ведь и не разберут – что к чему, хай подымут, суетиться начнут, и тотчас же будут искрошены в капусту засадной группой, разместившейся на втором этаже. Просто пересидеть, спасая три шкуры – тоже не выход: «духи» отстреляются за минуту, уйдут тем же путем, что и пришли – судя по всему, через подвал, а бойцы сопровождения с ходу начнут утюжить подъезд бээмпэшными пушками. Это будет еще обиднее – уж лучше пасть от чеченской пули!

– Лежать! – напомнил Серега семейной паре, вылуцивая из «разгрузки» «Ф-1»¹⁰ и разгибая усики предохранительной чеки. – Я щас – быстро...

И действительно – получилось быстро, как в образцовом учебном бою. Прокравшись на площадку между первым и вторым этажами, Серега запулил гранату в обугленный проем расположенной над ЖЭУ однокомнатной квартиры, переждал оглушительный взрыв и, на ватных подгибающихся ногах проскочив лестничный пролет, от входа выпустил магазин по бьющимся в страшных корчах телам, разметанным взрывом по комнате.

И, не слыша себя из-за металлического звона в ушах, метнулся к окну, размахивая автоматом и вопя что есть мочи:

– Не стрелять! Свои! Это я – Пес...

...Итак, перестраиваться в соответствии со скоростными новаторскими методиками никто не желал, а работать по старинке было просто нерентабельно. Рудин произвел элементарный подсчет: если в родном Белогорске с его почти двухмиллионным населением нашлось немногим более двух десятков приверженцев старой школы, то в Краснореченске их будет примерно в шесть раз меньше!

– Наша «Школа консервативной дрессуры» только на Грише держалась, – напомнил Рудин озабоченным соратникам, когда Соловей заикнулся было насчет дать объявления по

⁹ Судя по всему, Рудин «попал» на так называемый ичкерский спецназ, хорошо обученный и подготовленный для диверсионно-разведывательной работы.

¹⁰ Также граната, только оборонительная, с ребристой «рубашкой» – разлет осколков – 200 метров. Шарахнет – мало не покажется!

существо вопроса в местные газеты. – Нет, не стоит даже и пытаться. А займемся-ка мы заводом, хлопцы! У нас для этого практически все есть. За небольшим исключе – нием...

Ну да, все у них было – желание, опыт, реконструированный питомник. А что за исключение? Да так, ничего особенного... Материала для завода у них не было, вот что. Самая малость! Даже если стартовать тремя породами, представленными в лице репатриированных из Белогорска собаководов: хромоногий ветеранши Ингрид, спаниеля Джека и Алисиных кобелей-людогрызов, то каждому представителю необходимо было иметь пару аналогичного вида. То есть как минимум где-то раздобыть еще одну спаниелиху, ризеншнауцерику и немецкого овчара. В противном случае, ежели скрещивать Ингрид со шнауцерами или, того паче, со спаниелем, тогда вообще получится совсем уж по Гашеку:

«...Швейк, после того как медицинская комиссия признала его идиотом, ушел с военной службы и теперь промышлял продажей собак, безобразных ублюдков, которым он сочинял фальшивые родословные... Это были гадкие страшилища, не имевшие абсолютно ничего общего ни с одной из чистокровных собак, за которых Швейк выдавал их Бретшнейдеру. Сенбернар был помесь нечистокровного пуделя с дворняжкой; фокстерьер, с ушами таксы, был величиной с волкодава, а ноги у него были выгнуты, словно он болел рахитом; леонберг своей мохнатой мордой напоминал овчарку, у него был обрубленный хвост, рост таксы и голый зад, как у павиана...»

В Краснореченске породистые собаки по улицам бесхозно не гуляли – провинциалы к благородной животине относились с большим уважением, а местные нувориши готовы были платить хорошие деньги за красивых псов с длинной родословной. Системно никто заводом не занимался. Какие-то потуги в этом направлении прослеживались: изучая газетные объявления, наши приятели отследили три многообещающих зазывных лозунга, типа: «...Реализую доставленных с Московской выставки щенков колли с хорошей родословной...» Во втором случае речь шла о пуделях трех разновидностей, в третьем – о ньюфаундлендах. Однако наряду с этими вполне миролюбивыми предложениями в тех же газетах имелись несколько десятков запросов такого примерно характера: «Куплю щенка питбуля – родословная желательна...» Помимо конкретно питбуля хотели еще какого угодно бультерьера вообще, бульдога, добермана, ротвейлера – на худой конец, немецкую овчарку или овчарку побольше – кавказскую. Как видите, краснореченские товарищи желали иметь нечто иное, нежели шерстяную игрушку для детей и общесемейного баловня.

– Хорошо, мы вам это дело мигом организуем, – решил Рудин и отправил Соловья потолковать с местными живодерами. А сам засел с Алисой набирать бланки «липовых» документов для будущих обитателей питомника.

Соловей арендовал у живодеров на трое суток грузовик с клетками, Алиса скинула на принтер бланки документов, наши парни плотно поужинали и укатали в столицу, до которой от Краснореченска было всего-то восемь часов езды..

Материал добыли сравнительно легко и быстро: в окрестностях Первопрестольной слонялись без дела множество чистопородных тварей, брошенных на произвол судьбы своими нерадивыми хозяевами, которых в последнее время системно разоряло государство либо пачками отстреливали более удачливые конкуренты. Голодное зверье, несмотря на врожденную гордость и хваленую повышенную злобность (есть в собачьем аттестате такая графа: «злобность» – ее по своему произволу определяют люди, порой весьма далекие от знаний песьей психологии), без боя сдавалось в опытные руки профессионалов. У наших парней, всю жизнь посвятивших воспитанию собак, слезы на глаза наворачивались при виде бойцового пса, с обреченностью во взоре ползущего за куском говядины в провонявшую бездомными котами клетку.

– Вас бы самих – вот так... – цедил сквозь зубы впечатлительный Ваня Соловей, недобро щурясь на новенькие трехэтажные особняки, невесть откуда повылезавшие из

земли в административной зоне столичных окрестностей – подобно червям в теплый дождь, коих мы доселе не замечали в своем дворе. – ...воспитать от слепых глаз в холе и неге, а потом, в зрелом возрасте, выкинуть к едреней матери – болтайтесь, как хотите...

Еще несколько месяцев ушло на работу с четвероногими производителями. Не думайте, что это так просто: разбили по парам в соответствии с породами, локализовали в вольерах – и гуляй, жди приплода. Необходимо было подлечить зверей, организовать психореабилитацию – каждый из этих несчастных получил глубокую душевную рану, будучи выкинут на улицу горячо любимым хозяином, – произвести частичную отбраковку, изучить характерные особенности и, вообще, наладить с псами нормальные доброхозяйские отношения – если повезет, не один год придется трудиться вместе.

Все это время жили, образно выражаясь, «на подсосе». Алисины переводы, приносившие весьма скромный заработок, и потуги рукодельного Соловья, подрабатывавшего в автосервисе, разве что не давали умереть нашим славным ребятам с голоду совместно с псами – ни о какой нормальной жизни речи быть не могло.

Выручал Кузя – тот самый, у которого заняли денег при покупке инвалидной коляски для Толхаева. Одноклассник Соловья, живший некогда с ним по соседству, Кузнецов Андрей Сергеевич, за то время, пока Ваня надрывал пупок в борьбе с разномастными экстремистами, сделал в родном городе карьеру. Никуда не ездил, не учился специально, просто сидел на месте и потихоньку греб под себя, проявляя при этом незаурядные организаторские навыки. В настоящее время Кузя имел в городе изрядный авторитет, собственную газету, ряд предприятий розничной торговли, заводец по производству пихтового масла, прогулочный катер, возивший желающих по реке Красной, а также состоял в президентах охотничьего клуба «Пардус».

Кузя не торопил с возвратом долга и неожиданно проявил интерес к реставрированному питомнику.

– А что... у вас может получиться, – как-то заметил он, приехав в очередной раз навещать одноклассника и немало удивившись идеальному порядку, царившему в песьем хозяйстве. – На этом же ведь можно очень даже неплохо забогатеть...

Так вот – Кузя выручал. С долгом не торопил, подбрасывал денюжат в трудный период (отдадите, когда заработаете – пусть это вас не волнует!), в этот же период, познакомившись поближе с Толхаевым и узнав, что тот в прошлом – опытный хирург с солидным военным стажем, неожиданно оказал инвалиду протекцию:

– Иногда такие дурацкие случаи случаются... – единственный недостаток краснореченского Форда – велеречивость и некоторая путаница в выражениях – следствие однобокой начитанности – не мешал ему жить в свое удовольствие и расти вширь и вглубь. – Попадает, к примеру, хороший человек в нехорошую историю... Ну и надо всемерно ему помочь. А ему пойти некуда в связи с обстоятельствами. Там его однозначно сдадут, куда его будут водворять при трагическом раскладе на предмет оказания медицинской помощи – там всякие сидят, докладывают кому положено. Вот в этом случае и может пригодиться твой опыт, знания, умения и навыки. И за это могут дать хорошие деньги. Если, конечно, договориться правильно – чтобы сразу не завалили огнестрельно, без соответствующего разбора. Кому попало ведь такие вещи не поручают, необходимо иметь определенный вотум доверия, рекомендацию...

Иными словами, Кузя намекнул, что на краснореченском рынке услуг иногда возникают такие щекотливые ситуации, когда позарез нужен опытный врач, способный держать язык за зубами. «Черный хирург», то бишь. Толхаев раздумывал недолго – не в той они ситуации были, чтобы отказываться от дополнительного источника дохода, пусть и связанного с определенным риском...

Первый же приплод оправдал все усилия, затраченные на реконструкцию питомника и кропотливую работу с производителями. Новоявленные заводчики, дав всего одно объявление в местных «Краснореченских ведомостях», выгодно распродали весь помет – даже троих отбракованных с пупочной грыжей забрали с небольшой скидкой.

Помимо сиюминутной выгоды, наша компания также поимела массу заявок на последующие приплоды и неожиданно для себя обзавелась четырьмя солидными клиентами, желающими дрессировать только что приобретенных питомцев по консервативной отечественной методике. Эти товарищи в возрасте изрядно впечатлились лекцией, спонтанно прочитанной Рудиным, и некоторыми трюками, которые безо всякого умысла – только чтобы позабавить покупателей – продемонстрировали Ваня с Сашей при помощи Ингрид, спаниеля Джека и Алисиных страхомордых ризенов.

– Не зря страдали, – лаконично высказался Рудин, получив деньги за последнего щенка и обводя соратников торжествующим взглядом. – Мы еще развернемся! Лиха беда – начало...

Стартовый успех нового предприятия привлек внимание не только краснореченских доголюбов. Увы, мы с вами прекрасно знаем: в нашей стране есть старая добрая традиция, кратко выраженная в меткой русской поговорке: «один с сошкой – семеро с ложкой». То есть к любому прибыльному делу сразу же пытаются присосаться разнообразные типы, которые наделены талантом умело паразитировать за счет работного люда, а сами трудиться не желают.

Начал все тот же пресловутый Кузя – владелец заводов, газет, пароходов.

– Хорошее дело получилось, – похвалил он, когда Рудин отдал треть долга, пообещав окончательно расплатиться после второго помета. – Теперь вам, дорогие мои друзья, нужен сильный покровитель. Без покровителя тут никак не получится. Мало ли могут какие проблемы возникнуть? В наше время предостаточно всяких недоброжелателей, желающих поживиться за счет всяких других людей и сорвать на этом хороший куш. Инспектора всякие, органы различные, опять же, отморозки разнообразные...

– Да ну, какие проблемы? – пожал крепкими плечами Ваня Соловей. – Меня тут все знают с пеленок, родной город, чай! А отморозков этих я знаю наперечет – они в горшок гадили, когда я на свою первую войну собирался.

– Ну – смотрите, – неопределенно кивнул Кузя. – Если что – не стесняйтесь обращаться по знакомому адресу – ресу...

Ну и получилось все, как предрекал велеречивый Кузя. А скорее всего именно с его подачи и получилось. Сначала нагрянули инспектора: как сговорились, через день. Налоговая, пожарная, санэпидем и ветконтроль, регистрационная палата обнаружили кучу недостатков, всерьез пообещали закрыть, разорить, пустить по миру, посадить куда следует, а потом, заставляя как положено, обобрали до нитки. Затем припожаловал участковый с двумя рубоповцами и пристально стали интересоваться: чем да чем занимались господа предприниматели с такого-то по такой период и каковы их планы на будущее. Обещали заходить регулярно. А в завершение питомник посетили крепкие молодые люди с короткими прическами либо без таковых вовсе, на иномарке, да при оттопыривающихся полах курточек кожаных.

– А кто у нас «крыша»? – без обиняков поинтересовались молодые люди, вежливо поздоровавшись с Соловьем за ручку и кивнув Рудину.

– Да вы что, пацаны? – страшно удивился Соловей. – Какая «крыша»? Да я с вашими отцами в один садик ходил, всех вас на руках держал в младенчестве...

– Нет, вы уж ответьте, как реально обстоит расклад, – уперлись «кожаные», угрюмо насупившись. – А то нехорошо может получиться – реально...

– А как насчет поиграться? – поинтересовался незаметно подкравшийся сзади Масло, притаившийся из административного здания карабин. – Игра называется – «кто быстрее». Ставлю рубль против ста баксов, что я перебью вас всех, прежде чем вы успеете повытаскивать свои пукалки.

– Всех не перебьешь, реально, – возразил предводитель «кожаных», слегка побледнев, но сохранив похвальную монументальность морды лица (а возможно, это у него врожденное было – еще разобраться надо!). – Нас много. Сначала, реально, сгорит ваш питомник. Потом, конкретно, сгорят ваши дома. Потом вас завалят – реально... Кто у нас «крыша»?

– А «крыша» у нас – Кузя, – сообщил весьма своевременно подкативший Толхаев – он по обыкновению в дневное время разгуливал по питомнику, общаясь с собаками и заряжаясь от них животной энергией. – Мы думали, вы в курсе.

– А почему наш шеф не знает, что ваша «крыша» – Андрей Сергеевич? – удивился «кожаный». – Ну реально – о таких вещах все знают! А он не знает. Может, вы за словами не следите?

– Мы следим, следим, – поспешно заверил Толхаев, заметив, что Ваня с Рудиным синхронно нахмурились и сжали кулаки. – Вы можете быть спокойны – сегодня же Кузя позвонит вашему шефу... А кто у нас шеф?

– Никита, – солидно сообщил «кожаный» и кивнул на Соловья: – Иван Васильевич его знает.

– Вот и ладушки, – изобразил радость Толхаев. – Езжайте спокойно домой – сегодня же все порешаем...

– Ну и земляки у тебя, Иван Васильевич! – язвительно пробурчал Рудин, глядя вслед удаляющейся иномарке. – «На руках держал!» «С отцами в садик ходил!»

– Может, припугнуть разок как следует? – предложил Масло. – А потом не будут лезть – побоятся.

– Вы, хлопчики, не ерепеньтесь, – сурово погрозил пальцем многоопытный Толхаев. – Уж поверьте мне, я в свое время через все это прошел, хлебнул досыта. Езжайте к Кузе, договаривайтесь насчет «крыши». Он же сразу намекнул: можно было догадаться, чем дело кончится...

...Надо сказать, что Рудин со товарищи с пониманием относились к истерикам, которые периодически закатывал капризный инвалид. Если Толхаев когда-то принадлежал, фигурально выражаясь, к «сливкам общества», то Рудина и его верных друзей – Ваню Соловья и Сашу Маслова можно было смело отнести к самой обездоленной его части. В сравнении с периодом двухгодичной давности они мало что потеряли и потому переменой обстановки шибко не терзались.

– Было бы здоровье – остальное заработаем, – легкомысленно замечает Рудин, когда в его кругу заходит разговор о превратностях судьбы. – Руки-ноги есть, голова на месте, а все остальное – мелочи жизни...

Да, было бы здоровье... В отличие от молодых ветеранов локальных войн, Григорий Васильевич *потерял все*. Кануло в небытие состояние, отнятое лучшими, казалось бы, друзьями, туда же кануло здоровье, и нет никаких предпосылок для возврата прежних позиций – хоть разгоняйся на немецкой коляске да башкой об стену административного здания питомника.

С Толхаевым разобрались, не доезжая до пригородного круга. Методика была отработана: жалеть вредного отставного хирурга категорически не рекомендовалось – в этом случае истерика затягивалась на неопределенное время, перетекая во все более тяжкие формы. А рекомендовалось иметь равнодушное выражение лица и делать вид, что всем на глубокую скорбь инвалида так же глубоко плевать. Для вящего же эффекта следовало цинично подтрунить над болезным – что-нибудь простецкое, из серии: «Да не убивайся ты так – щас

остановимся, купим тебе новые ботинки! В бюро ритуальных услуг. Без шнурков. Тебе же все равно по барабану...»

В этом случае Григорий Васильевич – по натуре боец и прагматик – быстро проскакивал две последовательные фазы выхода из кризиса и возвращался в статичное состояние. То есть сначала впадал в дикую озлобленность, желая порвать на части жестокосердных соратников, затем угрюмо замолкал, анализируя свое теперешнее положение и причины, его повлекшие, и в завершение погружался в состояние умиротворенной расслабленности. Разряжался, одним словом...

– А клиенты? – ворчливо поправил Толхаев Соловья, который на кругу привычно повернул на Комсомольскую – длинную улицу частного сектора, в конце которой проживали наши приятели. – С утра на Джесси должны приехать. Забыли?

– Черт! С твоими бандюками все из головы повывлетало, – буркнул Рудин, посмотрев на часы. – Ваня – давай!

Действительно, лабрадориха Джесси на сносях, двое клиентов выражали давеча желание подъехать, познакомиться да зачитать липовую родословную. Нет, что родословная липовая, они, разумеется, не в курсе – зачем людей нервировать? Родословная искусно содрана с реальной медалистки – Алиса в Интернете откопала. Зато Джесси настоящая, породой прет за версту, уровень интеллекта не ниже, чем у иного профессора. И бойфренд под стать – хоть и дурак дураком, упругий мешок с гормонами, однако экстерьер вполне соответствующий.

Соловей, ни слова не говоря, резко сбросил скорость, ловко развернулся с опасностью для сзади идущих авто и, перескочив на встречную полосу, помчал в объезд на Бабаевского – там питомник. Тоже окраина, но несколько поодаль.

Издали заметив у ворот питомника четыре чужих автомобиля, Рудин с Соловьем синхронно воскликнули:

– Ага! – и, переглянувшись, подмигнули друг другу.

– У дураков мысли одинаковые, – реабилитировался Толхаев, с любопытством выглядывая из грузового отсека. – А если в помете будет всего трое?

– Аукцион устроим – кто больше даст, тот и возьмет... – беспечно бросил Рудин и, присмотревшись получше, внезапно поскукнел. – Кузя, что ли?

– Ага, его тачки, – подтвердил Соловей. – Принесла нелегкая...

Действительно, белый новенький седан «Daewoo Espero», возглавлявший немногочисленное столпотворение у ворот питомника, принадлежал Кузе. Рядом стояла черная «ГАЗ-31» – машина охраны. Большой парень Кузя никогда не ездил попросту, как говорят в низах – «в одно рыло», хотя в Краснореченске и окрестностях вряд ли кто осмелился бы посягнуть на его здоровье и жизнь. Таская с собой четверку охранников, местный олигарх просто соблюдал представительство.

– Началось... – мрачно буркнул Рудин, выходя из потрепанного «уазика» и с неудовольствием оглядывая иномарки, принадлежавшие клиентам. – Белогорский сценарий, повторный просмотр. Фильм называется – «Затянувшаяся расплата»...

У ворот ждала Ниночка – юная супруга Соловья, в обязанности которой входила ежедневная влажная уборка в административном корпусе питомника. Сейчас самостоятельная техничка озабоченно хмурила бровки на предмет собраться с мыслями, дабы объяснить мужикам, что же, собственно, здесь происходит.

– Вижу, – лаконично буркнул Рудин, входя в калитку. – Молчи, грусть, молчи...

Кузя и клиенты потенциальные – судя по всему, давние знакомые – пили пиво в беседке и общались. Двое «телков» владельца заводов, газет, пароходов, допущенные на территорию, прогуливались возле вольеров, с любопытством пялясь на производителей. Производители на чужих реагировали как положено: орали вовсю, скакали галопом и драли сетку

когтями, обещая вырваться и коллективно отпробовать свежего мяса. Прогнать экскурсантов из служебного сектора никто не догадался – гости в беседке, похоже, на шум особого внимания не обращали.

– Хлопцы! В двенадцатом вольере буля видите? – перекрикивая гвалт, обратился Рудин к экскурсантам. – Там задвижка слабенькая, все никак руки не доходят починить!

«Хлопцы» как раз приблизились к упомянутому вольеру и с интересом наблюдали, как пегий комок мускулов, подвывая от переполнявшего его желания кого-нибудь погрызть, с разбегу бросался всей массой на хлипкую с виду сеточную дверь. Что собой представляет озабоченный желанием сразиться питбуль, они представляли – статус обязывал, – потому после предупреждения Рудина сразу же убралась подальше и занялась чем положено: встали у беседки, в непосредственной близости от охраняемого «объекта».

– А вот и мои специалисты, – с каким-то странным сарказмом заметил Кузя. – Вы чего опаздываете, господа хорошие? Если вы думаете, что у клиентов масса лишнего времени, то вы изначально заблуждаетесь. Впредь рекомендую соблюдать более серьезную пунктуальность! А сейчас займитесь наконец-то гостями!

Соловей, нехорошо засопев, сжал кулаки и подался было к беседке. Рудин вовремя отреагировал: оттеснил боевого брата, крепко хлопнул по плечу и жизнерадостно воскликнул:

– А действительно, Ваня, возьми-ка клиентов, прогуляйтесь к Джесси. Нам с Андреем Сергеевичем тут кое-что обсудить надо.

Соловей почесал ударенное плечо, смерил одноклассника суровым взглядом и, безмолвно развернувшись, направился к вольерам. Клиенты гуськом потянулись вслед.

– Рассказывай, – буркнул Рудин, дождавшись, когда клиенты утопали достаточно далеко.

– Я предупреждал. Время вышло, – Кузя старался держаться с достоинством, но чувствовал себя явно некомфортно – на телохранителей косился, ладошки потирал, в глаза старался не смотреть.

– Я же сказал – отдадим, – внушительно проговорил Рудин. – Ты не волнуйся, все будет в норме.

– А я не волнуюсь! – делано улыбнулся Кузя. – Я совершенно спокоен. Это вы теперь волнуйтесь, господа хорошие, на вас долг висит.

– Две недели, – пообещал Рудин. – Еще две недели потерпи...

– Да нет уж, господа хорошие, – натерпелся! Сколько можно? С сегодняшнего дня – я хозяин, – Кузя обвел вокруг себя широким взмахом, обозначая круг своего нового хозяйствования. – Надо будет к нотариусу заскочить – документы переоформить...

– Вот спасибо – хорошо! – криво ухмыльнулся Рудин. – Переоформить! А нас – как же? В расход?

– Не надо так трагикомично! – поморщился Кузя. – Вы все – на окладе. Я вас не гоню, упаси боже – я не кровопийца какой-нибудь. Ты директор – две тысячи рублей. Ваня с Сашей – по полторы. Для нашего региона очень даже неплохо, вполне приемлемая зарплата. Нине платить не буду – техничка штатом не предусмотрена. Кстати, ты уж будь любезен, скажи ей, пусть отдаст ключи от административного корпуса. А то уперлась – не дам, и все тут. Не брать же силой!

– Попробуй! – Рудин нехорошо прищурился. – Тебя Соловей в детстве частенько бивал?

– Плоская шутка юмора, – делано улыбнулся Кузя, передернув плечами. – Администратор – мой. Все вопросы административного характера решает он: купля-продажа, переговоры с клиентами, объявления, связи – все он. Вот что сейчас Соловей самостоятельно с клиентами пошел автономно – это таким образом в последний раз. Потом – только в при-

сутствии администратора. Вам в административный корпус есть необходимость заходить только раз в месяц – за зарплатой. Вы специалисты. Собаководы... эмм... собаководы. Да...

Сергей покрутил головой, стравливая воздух и стараясь смотреть в сторону. Ага, три минуты назад скорректировал Соловья, дабы тот не натворил глупостей – как лидер микро-группы обязан был вмешаться. А сейчас сам почувствовал вдруг острое желание деструктивного свойства. Рудин мечтательно представил: свистнуть Соловью, чтобы подтянулся да с «бычатами» развлекся. А самому – к Кузе. За модельную прическу – цап! Соппротивление превозмочь, из беседки поволочь – прочь, в ночь! И пусть солнечный день завис над Краснореченском: надеть разок на колено переносицей, чтобы в глазах потемнело надолго, чтоб полноценная ночь получилась, да пинать в живот, пинать, пока гадина в туалет не запротестится. Ух-х-х! Красота...

Рудин даже причмокнул от удовольствия. И огорченно вздохнул. Как собачий психолог, он терминологией владел в полном объеме и с таким понятием, как фрустрация, был знаком. По-русски это обзывается проще и нагляднее: видит око, да зуб неймет.

Нельзя этого засранца обижать. Иначе точно получится Белогорский сценарий, повторный просмотр. Только фильм будет называться не «Затянувшаяся расплата», а «Некуда бежать».

– Две недели, – примирительно пробубнил Рудин. – Я сказал – отдадим! Три месяца ждал, две недели что – никак?

– Нереально, – покачал головой Кузя. – Я вас, господа хорошие, за два года изучил как облупленных. Мошенничеством постыдным заниматься вы не способны. На лихое злодейство не пойдете. А по-хорошему у вас никак не выйдет. Вы мне за коляску полгода отдавали – каких-то паршивых три штуки... Ну и где вы денег возьмете?

– У нас Гриша зарабатывает неслабо, – бодро приосанился Рудин, похлопав себя по нагрудному карману – не хотелось вот так запросто выкладывать свои грандиозные планы, которые, кстати, как ни крути, более похожи на блеф, нежели на нечто реальное. – За раз по штуке притаскивает в клювике...

– Ага, спасибо! – дурашливо поклонился Кузя. – Такими темпами сроков как раз два года возвращать будете! Нет, хватит – не надо меня уламывать почем зря, я не барышня до замужества. Я тут все продумал и рассчитал. Вы – полные банкроты, господа хорошие. «Развести» вас не на чем – полный ноль у вас в активе. Сказать, чтоб умерщвили вас огнестрельно – нерентабельно. Толку все равно никакого, да и совесть будет мучить – не чужие чай! Ну и как мне свои кровные пятнадцать штучек вернуть? Правильно – остается питомник. Единственный вариант взаимоприемлемый, на котором мы можем взаимолобезно разойтись. Ну скажи, в чем я не прав?

Рудин тоскливо посмотрел в сторону вольеров. Ах ты совестливый ты наш, мать Тереза краснореченская... Сволочь Кузя. Давно к питомнику подбирался. Сначала ловко втерся в качестве «крыши» – пришлось оформлять его соучредителем АОЗТ и регулярно отстегивать двадцать пять процентов от прибыли.

– Нас четверо, – внушительно заявил Кузя, когда хозяева возмутились затребованной им процентной ставкой. – Значит, все дифференцированно и заимообразно: весь совокупный доход делим на четыре равновеликие части. Да, признаю: я затрат не несу и не работаю физически-производственно. Но я обеспечиваю полную безопасность и решаю любые административно-правовые проблемы в данном конкретном случае, а также при всех могущих возникнуть обстоятельствах. А это, господа хорошие, очень и очень важная сторона аверса и реверса вашего предприятия. Или вы меня считаете на более низком уровне как личность?

Пришлось скрепя сердце согласиться – доводы были более чем убедительные, особенно после малоприятных встреч со всеми представителями тутошнего чиновничье-бандитского ареала. «Крыша», правда, была на все сто: власти предержащие и разнообразные

крутые местного засола на ружейный выстрел не приближались – разве что в качестве клиентов.

В принципе Кузя не гонялся за «собаковедами» с деньгами по Краснореченску и никого не заставлял брать в долг под угрозой «огнестрельного умерщвления». Сами пришли, поклонились в пояс: дай. Взяли достаточно большую сумму, а как отдавать будут – не подумали почему-то. Не до того было: беда случилась, прижало так, что дальше некуда. И что характерно – когда Кузя дал, все радовались, как дети, нахваливали благодетеля: выручил, кормилец, не дал сгинуть! А теперь, как водится, кормилец стал чуть ли не врагом номер один. Потому что, воспользовавшись ситуацией, хочет отнять прекрасно отлаженное предприятие, дающее верный доход и имеющее очевидные перспективы. И попробуй возрази: все обстоял так, Сократ доморощенный, что придраться совершенно не к чему. Собачьи деньги практически полностью уходят на производство и прожиточный минимум: не отнимал бы Кузя четверть, как раз можно было бы откладывать. Толхаевские «приработки» – дело рисковое и крайне нерегулярное. Это ведь только на заре перестройки товарищи бандосы держали на каждую группировку по «черному хирургу», у которого работы было – хоть одним местом кушай. А сейчас и стреляют не в пример меньше: утряслось все, облагообразилось, и в случае чего не стесняются прямо со «стрелки» в приемный покой горбольницы подтащить брата пострадавшего. Услуги конфиденциального плана требуются достаточно редко: когда вдруг случилась какая-то несуразица, что факт ранения необходимо держать в тайне – и не столько от правоохранительных органов, сколько от своих же собратьев по цеху. Так что, куда ни кинь – везде Кузя прав. Неоткуда им взять таких денег: по крайней мере в ближайшие пару лет...

– Это... Тут такое дело... – Рудин прокашлялся, волевым усилием качнул во взор изрядную порцию оптимизма. – Мы просто не хотели говорить преждевременно, но раз уж так вышло...

– Что такое? – Кузя заинтригованно приподнял бровь. – Я не в курсе каких-то экстренно важных событий?

– У Алисы недавно тетка умерла, – Рудин постарался изобразить мимолетную скорбь. – В Подмосковье. Оставила в наследство дом...

– Где конкретно умерла? Насколько недавно умерла? – живо заинтересовался Кузя, излучив своими хитрыми зеркалами души некоторую подозрительность.

– Да умерла-то уже полгода как, – поспешно уточнил Сергей: действительно, что-то уж очень кстати тетушка преставилась – как раз под отдачу долга! – Но все как-то недосуг было заняться... Короче, Алиса поедет, продаст дом – покупатели есть. А город... Ты извини, но пусть это будет наша маленькая тайна. Мало ли...

– Да пожалуйста – это ваше непреложное право, – милостиво согласился Кузя. – Я почему спрашиваю: Подмосковье-то большое. Если, допустим, в Одинцове дом – одна цена, а где-нибудь в Дмитрове – совсем другая. И какой дом – тоже суть важно знать.

– Домишко добротный, тысяч на... гхм-кхм... ну, на двадцать тысяч минимум потянет, – Рудин подмигнул собеседнику и опасливо покосился в сторону застывших неподалеку «бычат». – Информация – сам понимаешь...

– Да ну, что ты! – Кузя успокаивающе помахал на Рудина ладошками. – Что ты... От меня никуда не уйдет – контингент, понимаешь ли, не тот. Двадцать, говоришь?

– Ага, примерно так.

– А сколько времени ей понадобится, чтобы все эти мероприятия претворить в жизнь?

– Недели две – максимум. Я же говорю – покупатели есть, давно просят...

– Очень хорошо! – Кузя метнулся взглядом по двору, стремительно сделал в уме подсчеты и предложил: – Тогда будем поступать таким образом. Я на две недели о вас забываю. А по истечении этого срока времени вы со мной рассчитываетесь окончательно. Годится?

– Годится! – Рудин облегченно вздохнул и протянул Кузе руку. – Вот и слава богу. А то напридумывал тут черт-те что...

– Но в связи с вновь открывшимися финансовыми обстоятельствами я с вас буду брать процент. – Кузя торопливо высвободил свою ладошку из железной клешни Рудина и отодвинулся в глубь беседки. – По три процента в день от первоначальной суммы. Управитесь за десять дней – как раз будет девятнадцать с половиной штук баксов. Если две недели протянете, будете должны опять. Но тот остаток я вам разрешу в течение трех месяцев погасить. Годится?

– Не понял?! – возмутился Рудин. – Откуда что берется, корень ты мой волосистый?! Какие проценты?

– Я свои деньги вам дал, вы ими пользовались три месяца, – торопливо напомнил Кузя, с беспокойством покосившись в сторону телохранителей. – Я что-то с этого должен иметь, или как вам кажется? Не нравится, можете вообще ничего не отдавать – будем делать, как сразу сказал. Вы на окладе, питомник – мой. Ты подумай, выбор свободной альтернативы я всегда оставляю – я же не кровосос какой...

– Да, Кузя, – с безразмерной печалью в голосе проговорил Рудин после непродолжительного обдумывания ситуации. – Правильно ты все рассчитал. Куда мы денемся... Но позволь с тобой не согласиться – ты и в самом деле кровосос. Боясь показаться грубым, я бы даже сказал – ты еще кое-чего сос...

– Ну, это уже детали частных дел, – не стал обижаться заимодавец. – Пока Соловей с клиентами возится, проскочим к моему нотариусу: переоформим расписочку. И не смотри на меня так – я вам, конечно, верю полномерно, но... хочу иметь хоть какую-то гарантию...

Глава 2

Младой повеса... Только в наши дни

...Ленинградский проспект. Массивное здание серовато-желтого колера – тяжелое наследие трудновыводимой послевоенной моды. Мраморные ступеньки, тяжеленная дверь с антикварным противовесом, просторный вестибюль с монументальной социалистической люстрой из чешского стекла. В глубине – широченная лестница с сохранившимися от медных прутьев колечками, у подножия лестницы – два лифта. Просто так не пройдешь: слева конторка застекленная, рядом турникет с электромеханическим запором. В конторке два лица – большие, в три дня не объедешь, но заспанные, с тусклыми глазами – смена в 9.00, а сейчас только 8.01.

- Куда?
- «Отечественный кредит».
- Пропуск, пожалуйста.
- Пожалуйста...

Нет, на подобострастное вскакивание во фронт никто, конечно, и не рассчитывает. Ранг персоны не тот, да и огромное здание, в котором размещаются как минимум два десятка учреждений и фирм, охраняет какой-то отвлеченный вообще ЧОП¹¹, не имеющий никакого отношения к «Кредиту». Но дружеский кивок и беспрепятственный пропуск, кажется, были бы вполне уместны – филиал переехал уже девять дней назад.

- Альберт Николаевич Пручаев?
- Он самый. В списке что – нету?
- На ваш «Кредит» списков пока нет. Утверждаются в префектуре ваши списки. Проходите...

Прошел. Просторный лифт, кнопка третьего этажа. Прокатился, вышел – налево. Бронированная дверь без надписи, две камеры под потолком, звонок. Пальчиком – на пупку звонка, камерам – ручкой. Заходи. Здесь уже свои: суточный парный пост вневедомственной охраны.

Широкий коридор, по обеим сторонам которого расположены полтора десятка дверей, загроможден коробками, не распакованными фрагментами новой мебели, какими-то труднообъяснимыми железками и прочей мелочью. Несмотря на категоричный приказ шефа: «Рухлядь с собой не тащить! Там все новое. Распаковаться и обустроиться – три дня!», процесс обживания растянулся на неопределенное время. Кроме того, получился обычный переэздной пространственно-предметный перекосяк. Новый офис не в пример просторнее прежнего, однако образовалась целая куча вроде бы нужных и полезных, но не вписывающихся в интерьер предметов. Каким образом их разместить без ущерба для офисной эстетики – вот самый важный вопрос, занимающий последние несколько дней все светлые головы северо-западного филиала «Отечественного кредита».

Кабинет номер семь – табличка «Плановый отдел». Электронный замок, кнопки с цифрами, идентификационная карта – по общему мнению, очередная прихоть шефа: в рабочее время дверь открыта, запирает последний уходящий. Просторное помещение прямоугольной формы, четыре окна на проспект, подоконники мраморные шириной в метр: опять социальное наследие, только рамы новые – стеклопластик. Кабинет начальника отдела спрятался в конце помещения, чтобы пройти к нему, нужно с минуту лавировать между хаотично расставленными столами сотрудников, которых здесь двенадцать штук (и столов и сотрудников). Такое

¹¹ Частное охранное предприятие.

расположение начальнику нравится – несмотря на отсутствие отдельного входа, как это было в старом офисе.

– Если ко мне придут киллеры, сначала всех вас перестреляют, – вот так жизнерадостно пошутил он на второй день переезда, наблюдая, как обустраиваются подчиненные. – А я за это время успею в сейф запереться...

Альберт на это томно тогда ухмыльнулся. Да, сейф у начальника здоровенный и толстый – такой, пожалуй, и автоматная пуля не возьмет. Только вот почему именно к нему должны прийти киллеры? Есть же ведь заведующий филиалом – он имеет прямой доступ к обороту и общается с кем попало. Статистика утверждает, что планомерному отстрелу подлежит именно эта категория: директора, заведующие и всякие чины с определением «главный» или, как минимум – «зам». Альберт, сколько ни напрягал память, никак не мог вспомнить, чтобы где-нибудь укокошили какого-то там начальника отдела. Но, как утверждает народная мудрость, «у кого что болит, тот о том и говорит» – значит, шеф шутит не просто так. Только шутка его не имеет рационального смысла: простых клерков киллеры вряд ли тронут. Им не за это платят...

Плещ в шкаф, к рабочему месту шагом марш – вон тот стол, что напротив последнего окна, в уголке, справа от двери в кабинет начальника отдела. Место очень комфортное и во всех отношениях выгодное. Если шеф зол и выходит из кабинета, распахнутая сильным толчком дверь заслоняет Альберта от гневного начальственного взора. Шеф быстро пробирается к выходу, по пути обязательно кого-нибудь задевает и задетого ругает – зачем неправильно сидишь? Вот я до вас доберусь – заставлю всех по линии столы выстроить! Если шеф зол и приходит в отдел, происходит обратный процесс: задел – поругал – на Альберта уже запала нет, да и сидит он в своеобразной «мертвой зоне». Из-за этого удобного места у Альберта была нешуточная схватка с местным барбосом – здоровенным мужланом Лехой Лишенковым, который всего лишь программист, но мнит себя пупом. Не всей Земли, конечно, но конкретным пупом отдела и в перспективе всего филиала в целом. Альберт первый попал на место событий и быстренько занял место, а Леха, негодяй ушлый, три дня потом доставал его, желая поменяться столами. Когда посулы и уговоры исчерпали себя, программист неотесанный был готов прибегнуть к физическому воздействию, но Альберт доверительно сообщил, что пятьсот баксов для него – не проблема.

– При чем здесь пятьсот баксов, сынок ты банкирский, чадо домашнее?! – в сердитости великой вскричал Леха.

– А сейчас много бывших военных развелось, – пояснил Альберт. – Заказать программиста стоит всего пятьсот баксов. И мой бюджет от этого особенно не пострадает...

Разумеется, это была всего лишь злая шутка, но Леха задумался и отстал. У него жена неработающая и двое детей, для него пятьсот баксов – как раз проблема...

Альберт включил компьютер, развернулся к окну и, удобно вытянув ноги, принялся созерцать панораму утреннего проспекта. Безостановочный поток, все спешат: по проезжей части – машины, по тротуарам – людишки. На работу торопятся, боятся опоздать. Альберт – «жаворонок». Ложится в 22.00, просыпается в 6.00, делает зарядку, принимает душ, не спеша завтракает и в течение пятнадцати минут неторопливо следует пешим порядком на работу, с любопытством наблюдая за «совами». В этом плане новое расположение филиала как нельзя более удобно – дом, в котором живет Альберт, находится в трех кварталах от офиса. Раньше приходилось четыре остановки ехать на метро, это отнимало почти полчаса, и томно прогуляться пешком не получалось. Так вот, о «совах» – несчастные люди! «Совам», которым приходится являться в учреждения к точно назначенному сроку, приходится туго. Они обречены на хронический недосып, дурное пробуждение, вечную спешку, периодические опоздания вследствие каких-либо неувязок-нестыковок и утреннее дрянное настроение. Это очень забавно: имея в запасе целый час, неспешно вышагивать в спеша-

щей толпе и всматриваться в хмурые озабоченные лица, искаженные гримасой страдания в предчувствии начальственной вздрючки за неявку в срок и прочие огрехи – начальники зачастую тоже «совы», у них с утра бывает такое же дрянное настроение. А ты «жаворонок», ты выспался вволю, зарядился, душем контрастным побаловался, вкусно поел и, бодренький, веселый, гуляешь на необременительную работу. Все твои проблемы изначально решены наличием солидного родительского капитала, беспокоиться тебе совершенно не о чем. Получается своеобразный зоопарк, в котором тебе отведена роль праздного посетителя. Прелесть!

...В 8.20 – ежеутреннее явление. Торопливые шаги по коридору, входная дверь – настежь, в отдел врывается мгновенно зажигающее сердце любого мужчины создание: все оттенки ароматов Франции, кричаще синие глазища, натуральная блонди, восхитительного совершенства плоть, упакованная в тряпицы от лучших европейских кутюрье. Танцующей походкой – к двери начальника отдела.

– Привет, Аль, – озабоченный кивок, ловко извлеченный из сумочки ключ быстро поворачивается в замке, дежурная улыбка. – Кофе будешь?

– Привет. Пожалуй... – дверь скрипнула и стремительно захлопнулась – «явление» уже в кабинете, – ...буду.

Это Катя. Двадцать пять лет, первая красавица филиала, умница, замначальника планового отдела. Сидят они вместе, но совместной похоти не предаются, хотя наверняка начальник Катю желает. Ее все мужики в радиусе прямой видимости желают – порода такая. Но Катя не разбрасывается. Ее бойфренд – заведующий филиалом. Поэтому она в двадцать пять уже замначальника отдела, а многие способные особи филиала, которым за сорок или около того, до сих пор протирают штаны на должностях рядовых сотрудников.

Альберт по уши влюблен в Катю, но тщательно это скрывает. Он прекрасно понимает – Катя ему пока что не по... – не по плечу, не по зубам, да и не по карману. В отличие от заведующего филиалом, он не может подарить даме сердца новенький «Шевроле» и чуть ли ни ежевечерне ужинать ее в «Праге». Но, как говорится, неисповедимы пути господни...

Через несколько минут из кабинета доносится аромат «Мокко» – у начальника отдела стоит турецкая паровая кофейня. В 8.30 они уже пьют кофе. Есть такая группа – «Чай вдвоем». А у Альберта с Катей – кофе вдвоем. Ни к чему не обязывающая пятнадцатиминутная процедура, полная для Альберта волнительного томления, а для Кати – претензий и надежд на улучшение собственной организованности и возможности контролировать свою судьбу.

Насчет являться на работу пораньше Катю надоумил Альберт. На третий день после переезда она по какой-то важной причине пришла раньше, обнаружила в офисе утренне бодрого Альберта и страшно удивилась. Зачем ты здесь в такое время? А я всегда – вот так. А почему? А вот... И рассказал.

Катю такой подход чрезвычайно заинтересовал. Она по биоритмической предрасположенности – «сова», и, как и у всех служащих «сов», утро прекрасной дамы – самая скверная пора дня. Катя старается не опаздывать на работу и вообще никоим образом не показывать коллегам, что она как-то пользуется своим положением зазнобы заведующего: она в свое время проштудировала Карнеги, собирается расти дальше и знает о том, что, как бы высоко ты ни стоял, не стоит портить отношений даже с офисной уборщицей. Желая бороться с рутинной и руководить собой, девушка во что бы то ни стало решила приходить на работу пораньше – как Альберт – и таким образом получать от жизни дополнительную радость. Получилось с первого раза: масса новых впечатлений, наметилась какая-то там незримая трещина в закоснелой конвергенции мышления, словно взглянула на мир с другой позиции. Пока, правда, не удалось преодолеть устоявшуюся привычку – утреннюю спешку.

Кофе вдвоем... Катя смотрит в окно, наслаждаясь лицемерием спешащей на работу людской массы, рассеянно улыбается, вполуха слушает витийствующего Альберта и кивает. Альберт давно и всерьез увлекается психологией, сам изучает все подряд и полтора года прилежно посещает клуб «Синтон», где совместно с другими продвинутыми товарищами и товарками тренируется жить «весело и вкусно» (это их руководитель так выражается), преодолевать все тяготы и лишения этой суровой жизни и влиять на судьбу, на себя, на окружающих. Несмотря на молодой возраст, психологически подкованный Альберт очень много знает, наделен недюжинными аналитическими способностями и может кое-чему научить. А еще он рационалист до мозга костей – в этом плане у него пунктик. Жизнь делится на две части: все, что рационально, – это полезно и хорошо, а что не рационально – вредно и плохо. Зона комфорта и рациональность – вот две главные составляющие бытия, которые наш молодой повеса ставит во главу угла, обчитавшись до одури разнообразной литературой по прикладной психологии, закалившись в клубных психотренингах и составив на этой основе свою нерушимую жизненную позицию. Альберт всегда старается занять наиболее комфортабельное место, будь то автобус, пароход, стол в офисе, ниша в жизни и так далее. В течение этих нескольких утр он занят тремя полезными делами сразу. Он преподает Кате свою концепцию о зоне комфорта, тем самым эвентуально вовлекая ее в некоторую психологическую зависимость от себя – на будущее пригодится; жадно впитывает впечатления от Катиного присутствия – трепетно ловит ноздрями приправленный хорошим парфюмом сладкий аромат такого близкого женского тела, сканирует визуально прелестный облик сокофейницы, прочно обустроивая его в кладовых своего воображения, наслаждается томным волнением в чреслах и тренируется общаться с прекрасными дамами – в повседневной жизни такая возможность представляется достаточно редко...

– Слушай – ты чего тут прозябаешь? – рассеянно спрашивает Катя, продолжая глазеть в окно и с милой непосредственностью подтягивая колготки. – С твоим умом, способностями, с твоим... положением?

«Я хочу тебя, Катя. Я возьму тебя прямо сейчас на столе начальника отдела!» – вот так хочется сказать Альберту. Да, гордо расправить плечи, мужественно сказать это, взять девушку на руки и, ворвавшись в кабинет начальника стремительным шагом, опрокинуть ее на стол. Там такой стол удобный, монументальный, как скала, наверняка не будет шататься и скрипеть. Ага, опрокинуть на стол, впитаться страстным поцелуем во влажные мягкие губы и, с треском разорвав колготки совместно с трусиками, слиться с прелестницей в единую биоэнергетическую сущность. На трусики и колготки денег хватит – не проблема. Катя должна стыдливо прикрыть глаза рукой – в первый раз все же! – и томно стонать от переполняющей ее страсти. Пусть, если хочет, бормочет какие-нибудь глупости, типа: «Любимый мой! Как я ждала этого! Какой ты сильный и неутомимый! Чресла твои – вместилища огня! Стан твой – кедр, блин, ливанский...»

А если ненароком припрется начальник отдела, надо будет подмигнуть ему и этак простецки, по-джеймсбондовски, посоветовать: «Погуляй, Игорек – мы тут немножко заняты...»

– Да мне вообще-то тут нравится... – покраснев до корней волос и отирая влажные ладошки о брюки, мямлит Альберт. – Тут хорошо, в принципе...

И все-таки тащить Катю в кабинет – проблематично. И дело не в том, что Альберт панически боится красавиц и никогда не посмеет даже ручку погладить прекрасной даме, не то что – тащить куда-то. Тут вот такой рациональный аспект: девица-краса выше Альберта сантиметров на пять, весит больше, устойчиво посещает школу айкидо и при случае сама может кого угодно тащить, бросать, кидать и так далее – у нее даже бицепс в два раза больше. Альберт в свои двадцать три выглядит застенчивым юношей-десятиклассником: тонкий как тростиночка, стройный, очкарик, на подбородке пух, физкультуру презирает как пережиток

пещерного века. Томно стонать и декламировать любовные лозунги девушка не станет – Альберт, как знаток психологии, тонко чувствует, что за мужика она его не считает. А за что считает? Да за этакое нечто в штанишках: умненькое, продвинутое донельзя, доверительно-ласковое – больше похожее на подружку, нежели на самца. Кате же нравятся самцы – это определено. Такие, как заведующий филиалом: косая сажень в плечах, гренадер, забияка, преуспевающий деляга, бабник – зрачки в форме фаллоса, глянет на женщину – как в трусики залезет! Альберт никогда таким не будет, его удел – зона комфорта и рационализм.

– И чем же тут хорошо? – уточняет Катя, глянув на часы – минут через пять идиллия кончится, начнут прибывать нервные шумные «совы» – десять дам разного возраста – и в комплекте к ним этакий филин лохматый – Леха, хронически утренне неприветливый. Кто-то непременно явится позже начальника отдела, вот потеха-то будет!

– Ну... Уютно тут. Работа легкая, платят прилично. Квартира теперь совсем рядом...

– И неужели не хочется чего-то большего? – Катя встает, забирает чашки и, направляясь в кабинет, резюмирует с каким-то презрительным сожалением: – Я бы на твоём месте все бросила к чертовой матери, рванула бы в этот... в Белогорск ваш и перевернула бы там все вверх дном...

Оставшись один, Альберт потерянно улыбается и неодобрительно качает головой. Катя – хищница. Большой чувственный рот, блестящие искрометные глаза, развитое прекрасное тело... Амазонка. Неудержимо торопится жить и в этой жизни непрерывно расти над собой. Заведующий тоже хищник – явно выраженный, этакий саблезубый тигр. Леха-гад также принадлежит к данной категории, только он – хищник мелкотравчатый, этакий шакал офисный. Все они вечно бегут, хотят чего-то урвать и постоянно пребывают вне зоны комфорта, сидючи в которой драться за место под солнцем как-то неловко и неспособно.

Альберт всех этих хищников никогда не понимал.

Леха, как и Катя, частенько задает ему вопросы такого рода и искренне негодует: ну какого черта ты, чадо домашнее, штаны здесь протираешь, когда у тебя такие перспективы?! Альберт всегда пожимает плечами и вежливо улыбается. А куда, спрашивается, эти перспективы уйдут и какие метаморфозы с ними произойдут, если Альберт перестанет «протира́ть штаны» и начнет производить какие-то телодвижения? Что бы ни случилось, все predetermined заранее, нет смысла вмешиваться в ход событий.

В данном расхождении мнений, по всей видимости, повинны не только антропоморфные различия типажей, но и социальное положение. Леха-программист – инженер в седьмом поколении, все его предки искони тратили свой интеллект на неповоротливый механизм отечественной науки и жили более чем со скромным достатком. Катя-краса, как это говаривали ранее, – «лимита» из Воронежа, дочь школьной учительницы и военного. Девиз ее негласный: «Телом и умом!», тут все понятно. Зав. филиалом – физручий сын, отец и мать – учителя физкультуры. Спасибо здоровым предкам, вылепили красавца-гренадера! Грудью, усами и еще кое-чем проложил себе дорогу к красному диплому (поговаривают, регулярно имел то ли супругу ректора, то ли самого ректора), затем ловко втерся куда надо, женился на сорокалетней дочурке президента «Отечественного кредита» и с похвальным рвением удочерил двух ее взрослых девчат от первого и второго браков...

Альберт – сын банкира. Причем сын единственный – наследник, можно сказать. Наследовать есть что: папа его являлся президентом крупного банковского холдинга «Белогорпромбанк», занимающего далеко не последнее место в федеральной таблице о рангах. Почему «являлся»? Для тех, кто не читал первые две книги о приключениях Пса и его команды, поясню: уколошили папу нехорошие люди. Да-да, все тот же крутой дядька из столицы, самого дорогого человека которого загрызли Алисины собачены. Ничего, впрочем, в положении Альберта от этого не изменилось: дежурно поплакал на похоронах, поволновался немного

и вернулся в прежнее русло. Президентом по праву наследования стала мать, а от ее имени холдингом ворочает теперь управляющий – Войтов Иван Иванович.

Так вот, в силу социального положения Альберту в жизни все досталось легко и просто, без каких-либо потуг с его стороны. Финансово-экономический институт – красный диплом, наш парень очень любил учиться и безо всякого протектората со стороны папых друзей был круглым отличником. Двухкомнатная квартира в хорошем районе столицы, скромное ежемесячное содержание – штука баксов, чтобы ребенок не забаловал да не скурвился ненароком, а приучался к скромности. Приходящая страхолюдная домработница под шестьдесят: три раза в неделю – стирка, уборка, приготовление пищи. Мама домработницу сама подбирала, через агентство – такое важное дело сынуле доверить нельзя. Вдруг наймет игривую молодницу с попой и ногами? По окончании института по конкурсу – и опять же безо всякого протектората – угодил в северо-западный филиал «Отечественного кредита». Фирма перспективная, работает с Калининградом, Питером, горячими финскими парнями. Зарплата: триста баксов в месяц – на карманные расходы. Некоторые, кстати, тот же Леха-гад, например, умудряются на такую зарплату содержать семью.

«...И неужели не хочется чего-то большего?» – спросила Катя. А вот представьте себе – не хочется! Помимо зоны комфорта Альберт исповедует старый принцип, позаимствованный у кого-то из древних: «Хорошо прожил жизнь тот, кто хорошо спрятался...» Наш повеса спрятался вполне недурственно, манией величия никогда не страдал и наверх карабкаться совсем не желает – там дует, мало точек опоры, ты со всех сторон виден, и если уж сорвешься – так шмякнешься, что костей не соберешь.

За годы жизни в столице Альберт создал для себя уютный рациональный мирок, с которым расставаться не желал. Основное увлечение – Интернет, книги, психология. Мальчишка со всех сторон обеспечен, привык получать от жизни все что пожелает, а желания его им же самым рационально дозированы, можно сказать – вполне посредственны и необременительны. Объем должностных обязанностей освоил в первые два месяца, рационально произвел распределение усилий и теперь справляется за полдня. Вторые полдня балуется с Интернетом. При этом, помимо приятных эмоций, получает острые ощущения, которые, как трактует современная психология, совершенно необходимы любому индивиду для полноты жизни. В чем острота? Извольте: в любой момент может выйти начальник отдела, застать сотрудника за праздным времяпрепровождением и устроить ему веселую жизнь. Или заметит кто-то из отделских дам и «стуканет» начальнику. Приходится маскироваться и прибегать к различным ухищрениям. Сейчас это не в пример удобнее, нежели в старом офисе – благодаря стратегическому расположению рабочего стола. Единственный, кто знает о шалостях Альберта, – Леха-гад. От него не скроешься, он исполняет должность системного администратора, регистрирует каждую минуту пребывания в сети и составляет отчеты. Но в данном пункте у них с Альбертом долгосрочный договор о ненападении. Леха втихаря подхалтуривает: штампует за деньги для студентов курсовые и рефераты. Он наносит фирме ущерб гораздо больший, нежели просто злоупотребляющий сетевым временем Альберт, поскольку крадет качественную офисную бумагу, фирменные скоросшиватели, скрепки и беспощадно эксплуатирует принтерные картриджи. Единственный, кто знает об этом, – Альберт, у них в старом офисе столы рядом стояли. Недаром Леха так желал получить место на нейтральной территории у окна – уж тут бы он развернулся! Но как говорится – каждому свое.

Когда два года назад погиб отец, Альберт впервые в жизни испытал серьезные переживания. Нет, не сыновняя скорбь была тому причиной – к родителям наш парень относился весьма прохладно и, рано отлученный от семьи, видел в них лишь источник дохода. Рационально мыслящий Альберт, сидя в самолете, направлявшемся в Белогорск, всесторонне проанализировал ситуацию, и его охватила легкая оторопь. Это что же теперь: придется все

бросить и возглавить холдинг?! Господи, вот напасть-то! Будучи прекрасным аналитиком и хорошим студентом (он тогда как раз закончил четвертый курс), Альберт отчетливо представлял себе, что это такое – управлять банковским объединением в условиях современного российского рынка. Это сколько же неудобств и нервовтрепки! Придется перейти на заочное, переехать в родной и нелюбимый Белогорск – провинцию, по сути, распрощаться с прежней, размеренной и такой комфортной, жизнью и встать в один ряд с глубоко презируемыми хищниками, чтобы, кляца зубами направо и налево, изо всех сил бороться за сохранение и процветание обустроенного папашей предприятия. Не бороться нельзя – загрызут мгновенно. Вот это влип!

В действительности все получилось несколько иначе. Никто и не подумал взваливать на хрупкие плечи студента бремя тяжелой ответственности за судьбу холдинга.

– Все будет как прежде – не сомневайся, – отечески успокоил Войтов, возложив тяжеленную ручищу на затылок изготавившегося к бою преемника. – Учись, расти, не думай ни о чем. Не дадим предприятию засохнуть...

– Учись, расти, мужай, – продублировала управляющего скорбящая мать, за три дня выплакавшая глаза и постаревшая внешне лет на десять. – Когда понадобится – позову. И вот что... Ты там в столице – посмотри, послушай... Может, чего узнаешь об этих нелюдях, которые отца убили. Если что – никаких денег не пожалею...

И совершенно ничего не изменилось в жизни Альберта. Уехал, как ни в чем не бывало, в столицу, вздохнул спокойно и засуществовал, как прежде. Даже где-то порадовался втуне, сквозь напускную сыновнюю боль: мать еще молода, крепка, привлекательна; Войтов – хват, хищник, каких поискать, и к вдове хозяина явно равнодушен. Все у них должно получиться как надо: по крайней мере в ближайшее десятилетие можно не терзать себя тяжелыми думами о грядущих переменах. О странной просьбе матери Альберт забыл через два дня. Что за прихоть? Отца убили в Белогорске, какая в Москве может быть информация об обстоятельствах этого дела? И потом – для этого, в конце концов, существуют правоохранительные органы...

...С 12.00 до 12.40 – ленч. «Совушки» отделские прихорашиваются и во главе с начальником отдела прутся всем гамузом на первый этаж, в кафе. Леха-гад никуда не идет в целях экономии и по непроизвольным соображениям: достает из сумки бутерброды с дешевой вареной колбасой, принимается задумчиво жевать и стремительно скидывает на принтер ранее набранные курсовые. Можно было бы, конечно, сделать это на «копирке» – так гораздо быстрее, но там стоит счетчик, который регистрирует каждый лист. Поэтому удобнее – в отделе. Надо успеть за ленч все отпечатать, в другое время могут возникнуть ненужные вопросы.

Альберт тоже не идет – затаив дыхание, выжидает, напряженно прислушиваясь к звукам в коридоре. Вернее – к отсутствию таковых, сейчас весь филиал на ленче, в офисе практически пусто.

– Ты чего, Аль? – рассеянно интересуется Леха, с аппетитом пережевывая невкусный бутерброд и складывая выскакивающие из принтерного зева листки в папку. – Поль Брэгг?

– Не понял? – нервозно вскидывает плечиком Альберт.

– Голодаешь, что ли?

– А... Нет, сейчас закончу, тоже пойду, – спохватывается Альберт – правильно Леха заметил, наш молодой повеса отсутствием аппетита не страдает и обычно в первых рядах шпарит в направлении кафе. А тут третий день подряд задерживается.

– Что-то тебя третий день на работу пробивает! – не отстает Леха. – Заболел? Ты это прекращай. Так и надорваться недолго.

– Все, закончил, – Альберт, услышав в коридоре женские голоса, сворачивает программу, прихватывает с собой папку и спешит на выход. – Что-то в последнее время не клеится...

Дверь номер «два» – второе справа помещение, как заходишь в офис. В отношении данного помещения у начальства имеются какие-то планы, но в настоящий момент оно пусто и обозвано народом сообразно временному своему предназначению: «копирка». Тут, видите ли, скоростной копир стоит. Ксерокс, принтер, сканер в одном агрегате. В помещении номер два также имеется небольшой закуток, который завхоз планирует оборудовать под кладовку. Там уже поставили стеллаж, на полках которого пока что валяются пачки с бумагой.

На цыпочках прокравшись в кладовку, Альберт запирает дверь своим ключом и кладет на стеллаж загодя приготовленную салфетку.

Ключ. Проявив невиданную для него изворотливость, Альберт позавчера выкрал во время ленча у завхоза ключи (они просто висели на стене в операторской, изворотливость состояла в двухминутном потении от страха: минута – кража, минута – возвращение ключей на место), подобрал быстренько нужный, сделал слепок и после работы посетил районную барахолку, где обратился к слесарю. Слесарь выточил дубликат из своей заготовки и взял за это всего тридцать рублей, посеяв в душе Альберта страшные сомнения.

– А ведь этак каждый может! Позаимствовал ключи у кого-нибудь, выточил дубль – и заходи! Надо будет свои ключи бережнее хранить...

В кладовке нет освещения, но это обстоятельство Альберта не смущает. Под потолком высвечивается лепестками ромашки решеточка вентиляционного отверстия, через которое слышны приглушенные голоса – за стеной туалет, точно такая же решетка располагается с противоположной стороны. Достав из папки небольшой плоский футляр, Альберт на ощупь извлекает прибор и быстро приспособливает его для функционирования. Прибор состоит из полутораметрового волоконного световода, на разных концах которого приспособлены окуляр и объектив, а также крохотного электронно-оптического преобразователя. Объектив – не просто стеклышко, он обеспечивает четырехкратное увеличение. Прибор Альберт приобрел позавчера на «Горбушке», в парке, не торгуясь отдал за него сто баксов, опробовал на скорую руку и быстренько убрался с места преступления. Потренировавшись дома, убедился, что шпионская штучка функционирует хорошо, рационально обдумал все и слегка взгрустнул. За такую цену вполне можно было купить приличный бинокль – не то что какой-то кусок стекловолокна с двумя пластмассовыми линзами и коробочкой с парой микросхем. Однако делать было нечего – обстоятельства требовали некоторых затрат...

Аккуратно продев объектив сквозь решетку, Альберт щелкнул тумблером преобразователя, приник к окуляру и принялся сдвигать световод вглубь, добываясь более удобного ракурса. Потрудившись с десятков секунд, наш доморощенный соглядатай задумчиво ойкнул, плотно прижал окуляр к глазу и принялся лихорадочно расстегивать ширинку...

Черт подери – и чем это, спрашивается, собирается заняться наш светлый и чистый отличник?! Как же так: после столь лестной характеристики, в одном ряду с психологией, книгами, успеваемостью повышенной, рационализмом хваленым... и *такое*?

А не спешите негодовать, неласковые вы мои, – давайте, пока наш парень там в темноте вождельно похрипывает, вкратце обратимся к обстоятельствам, бросившим его в объятия рукоблудия, дарованного миру неким ветхозаветным пастухом.

Скажем сразу и без обиняков – отношения Альберта с женщинами не сложились. Несмотря на хилое телосложение и сравнительно слабое здоровье, молодой повеса, как и большинство юных особей его пола, обладает выраженной гиперсексуальностью. Эту самую пресловутую гипер он, будучи существом высокоорганизованным, неоднократно пытался реализовать в разумных формах, в результате чего трижды потерпел фиаско.

Первая дама сердца – студентка с его курса, с которой Альберт тесно задружил, при ближайшем рассмотрении оказалась вульгарной хамкой: таскала бойфренда новоявленного в рестораны и на какие-то сомнительные вечеринки, настойчиво требовала подарки, врывалась в его жизнь, когда ей заблагорассудится, а между делом со вкусом обсуждала в кругу подружек Альбертовы незавидные мужские достоинства, что стало достоянием всего факультета. В конечном итоге она нанесла легко ранимому юноше сильную душевную травму, в нетрезвом виде поимев на очередной вечеринке какого-то малознакомого охладомона. Расставание вылилось в затяжной скандал – дело чуть было не закончилось отчислением из института.

Вторая пассия коренным образом отличалась от предыдущей. Альберт, наученный горьким опытом, тщательно выбирал даму в читальном зале Публичной библиотеки (для продвинутых тинейджеров – данное учреждение к заведениям, специализирующимся на продажной любви, никакого отношения не имеет!). Выбрал, охмурил, сблизился. И вскоре понял, что вновь совершил ошибку. Девушка оказалась страшно серьезной и чрезвычайно требовательной, отнимала массу времени – пришлось на какой-то период даже возлюбленный Интернет забросить! – одолевала ежечасными звонками, контролировала каждый шаг бойфренда и безо всяких шуток строила суровые планы создания крепкой семьи. Неизбежное расставание превратилось в трагедию: слезы, стоны, ночные звонки, дежурство в подъезде, родители, шантаж мнимой беременностью, две попытки суицида...

Третью даму сердца – тонкую изящную грацию, проказницу и беззаботную прелестницу – Альберт отхватил в Большом театре. Хороша была Танюша – краше не было в селе! В течение первых трех дней общения выяснилось, что девушка является одномоментно нимфо – и наркоманкой, а также не чуждается неких островных забав, вполне присущих чувственным и трепетным богомоориентированным созданиям. Далее продолжать?

Покончив с неблагоприятным делом изыскания постоянной дамы сердца, Альберт впал в уныние. Дамочек с бульвара он опасался, там можно было отхватить все что угодно – от букета заболеваний до вооруженного грабежа или скандала с сутенерами.

Единожды наш отличник попробовал воспользоваться услугами закамуфлированного под Дом моделей элитного агентства, гарантирующего безопасность и качество. Агентство не обмануло – все было просто восхитительно, но... нерационально. Дорого очень – пришлось потом два месяца на сбережениях сидеть.

Ну и обратился наш бедолага к забавам юности беспечной. Перепробовал все подряд: видео, порносайты Интернета, журналы. За два года овладел искусством рукоблудия в совершенстве – можно сказать, стал мастером автономного секстренинга. Это было во всех аспектах рационально: дешево и безопасно. Только вот изюминка отсутствовала. Не хватало тех самых пресловутых ярких эмоций, каковые – вы уже в курсе – психологи настоятельно рекомендуют для ощущения полноты жизни. Экран монитора, журнал, телевизор, прочные стены квартиры отдельной, надежно защищающие от чужого любопытного взора, – откуда взяться захватывающей дух яркости и остроте?

«Пробило», как выражается Леха-мужлан, на яркость нашего парня совершенно неожиданно и неуместно. После окончания института Альберт направлялся в Сочи, но не как большинство смертных – адлерским поездом, а на самолете, естественно. Лето, духота, полупустой почему-то аэровокзал. Альберт сидел на втором этаже в ожидании регистрации, слегка потел, листал «СПИД-инфо» и потягивал сок. А напротив, несколько справа, разместились какие-то транзитные. Папа, мама, дочь. И чемоданы. Дочка – лет тринадцати девчушка, в легком ситцевом платьице, свернулась клубочком на скамейке, положила маме голову на колени и спит. И папа спит, и мама – тоже. А дочка так неловко прикорнула – платьице задралось и попка торчит с глубоко впившимися трусиками, прямо на Альберта

смотрит. И тут в душе молодого мастера автономного секса такое вдруг разыграло – все встало дыбом.

Оглянулся воровато по сторонам наш повеса: справа мужлан какой-то храпит, слева парочка юная цепко и потно лобызается – тоже хотят ноги сплести, как японцы выражаются. Извлек из сумки Альберт ножик перочинный, разрезал подкладку кармана, ручонку дрожащую в карман засунул, «СПИД-инфо» прикрылся и...

Да, это было что-то. В суммарной емкости – полугодичный оргазм от порносайтов или видеокассет соответствующего содержания. И неважно, что исподнее совместно с брюками испачкал и стон победный не сдержал на удивление лобзающейся парочки – оно стоило того.

С тех пор Альберт частенько искал случая полюбоваться втайне живой плотью и побаловать при этом свою похоть. Купил бинокль двенадцатикратный, изучил каждое окно дома напротив, гулял в Химки регулярно, выбирая удобную позицию у пляжа. Но особо пикантные ситуации получались крайне редко: рациональность всегда брала верх над нездоровой страстью и заставляла молодого экономиста соблюдать меры предосторожности...

Переезд в новый офис подарил Альберту, помимо близости к дому и удачного расположения стола, еще одну тайную радость. Спасибо заведующему филиалом!

Катя в кафе не ходит. Она плотно завтракает дома, в течение дня пьет кофе с овсяным печеньем, а после работы долго ужинает в обществе зав. филиалом. В ленч девица-краса совместно с подружкой единственной – секретаршей шефа Леной – выпивает по чашечке кофе, и потом они с особым цинизмом курят в туалете. В чем цинизм? А в том, что заведующий категорически запрещает курить в офисе. Пожара не хочет – в столице частенько горят разнообразнейшие учреждения, сам не курит, и вообще... Для этой цели оборудована лестничная площадка: там плевательницы и соответствующая табличка. Но на площадке, сами понимаете, некомфортно – шастают всякие, пьются, мешают интимно хихикать и так далее.

Обнаружил сие нарушение наш молодой эконом три дня назад – раньше всех покинул кафе, чтобы предаться интернетным забавам, проходил по пустому коридору офиса, зашел в «копирку» за бумагой для Лехи – он просил на обратном пути прихватить – услышал через решетку голоса, залез на стеллаж посмотреть...

Ну да – курят девушки. Да как курят! Открывают окно, ложатся животами на широкий подоконник, головы высовывают на улицу и смолят – думают почему-то, что таким образом в помещении будет меньше пахнуть дымом. Так вот – головы-то на улицы повысовывали, а попки с ногами да юбочками задравшимися оставили внутри! И лежат, ногами болтают. Глянул Альберт – чуть со стеллажа не упал.

Единственно, позиция была неважнецкой. Неудобно: голову выворачивать, изгибаться черт-те как, да и решетка застит – мешает во всей полноте насладиться перспективой. В этот же день наш страдалец почистил решетку с обеих сторон и приступил к техническому оснащению, полагая, что наконец-то нашел во всех отношениях удачный и долговременный проект...

Нет, прибор стоит тех денег. Вот они – попки. Четырехкратное увеличение, четкость изображения – что на вашем рабочем столе, сквозь паутинку колготок отчетливо трусики просвечиваются, каждый изгиб виден, каждая выпуклость! О-о-о, как вы прекрасны, девчонки! Спасибо физикам за оптику – да здравствует наука!

Еле сдерживаясь, чтобы не закричать в голос от переполняющей его страсти, вспотевший Альберт мастерки «душит гуся», стараясь продлить забаву – невиданная энергия, переполнившая чресла, давно просится вон из организма, готовая в любой момент выплеснуться наружу. О-о-о, девчонки, попки мои сахарные!!! У-ух-х-х, как я вас...

– Аль?! А-аль!!! Ты где пропал? – раздается из коридора недовольный голос Лехи-гада.

«Чего ему?» – Альберт вздрагивает и вдруг живо представляет: Леха – муж. Муж объелся груш. Катя – жена, а Аль забрался к ним в спальню и всю дрессирует чужую жену

в черт-те какой немыслимой позе. А муж ходит по квартире и в любой момент может зайти в спальню. Ситуация более чем пикантна, согласитесь – куда там прыжкам с парашютом! Так вот – как только Альберт представил себе все это в полном объеме, на него накатила такая могучая волна острого наслаждения, что сдерживаться далее уже не было возможности. Перестав «придушивать гуся», Альберт крепко стискивает зубы, чтобы не закричать, впивается взглядом в зашевелившиеся попки – девушки докурили и собрались покинуть подоконник, и...

– Бац! – хлипкая дверь распаивается от мощного толчка, выданный с корнем накладной замок заводится на одном шурупе. В проеме стоит Леха-гад. И пялится.

– Ага! О-о... И чем это ты тут...

– Ох-х-х!!! – тугая струйка прыскает на стенку, промазав мимо салфетки и зацепив по касательной стойку стеллажа.

– Ой-е-е! Ну ты зверь! – понизив голос до шепота, бормочет Леха и, отодвинув богатырским плечом одеревеневшего от ужаса Альберта, прикладывает к окуляру. – А-а-а... Ничего картинка. Ничего... Ну и как мы теперь?

– Что – теперь? – слегка раздеревенев, Альберт торопливо застегивает брюки, пламенея ликом, щурится на свет и лихорадочно соображает, как же выкарабкаться из этой страшнейшей ситуации. Лучше всего, конечно, убить противного мужлана. Эх, был бы какой-никакой бесшумный пистолет, которым киллеры злобные в кино пользуются... Но пистолета нет. А по-другому – увы, не получится никак, Леха-гад здоров ужасно, от природы наделен статью богатырской. Очень может быть, что и не следил он специально за Альбертом, а замок сломал ненароком, просто толкнув дверь...

– Ну, жить-то как будем? – Леха отлипает от окуляра и с любопытством пялится на Альберта – толстые губы прыгают в змеистой ухмылке. Гад!

– Я это... Я перееду, – бормочет Альберт, опуская глаза. – Мы можем поменяться столами прямо сейчас.

– Да это без вопросов! – восклицает Леха, махнув пренебрежительно рукой. – Это и так понятно... Ты теперь, я так полагаю, захочешь меня ежедневно ленчем кормить. В нашем кафе. Для тебя это будет небольшой убыток, я думаю. Ты как – готов к этому?

– Конечно-конечно, – торопливо бормочет Альберт, изнанкой рационального рассудка ужасаясь: жрать Леха горазд, он за один присест может умять хороший обед на троих нормальных сотрудников. В последующем, разумеется, необходимо будет скорректировать этот пункт. Но в настоящий момент Леха может требовать все что угодно. И он требует – понимает, подлец, что сейчас в пропахшей острым мужским секретом кладовке является полновластным хозяином вот этого очкастого баловня судьбы.

– И это... Единоновременно ты мне жертвуешь... ну, допустим... три штуки баксов. Единоновременно! Потом никогда не буду приставать – слово даю.

– У меня нет такой суммы, – кривится в плаксивой гримасе Альберт – это что же теперь, три месяца жить на офисную зарплату?!

– Хорошо – сколько есть, – напористо насаждает Леха, не желая упускать стратегическую инициативу. – Сколько?

– Пятьсот есть, – опрометчиво сообщает Альберт – это как раз та сумма, которую он постоянно имеет при себе на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. – Больше нету...

– Ладно – пятьсот так пятьсот, – слегка огорчившись, соглашается Леха. – Можешь рассчитывать на мое молчание. На, – он протягивает Альберту лист бумаги. – Думаешь, я за тобой следил специально? Очень надо! Тебе срочный факс из Белогорска – вот и искал...

Протерев стену и стойку стеллажа салфеткой, Альберт облегченно вздыхает. Фу ты, черт, – кажется, пронесло! Леха, конечно, гад, но если дал слово – сдержит обязательно. Проверено неоднократно.

– Ты извини, что в такой момент я – вот так, – замечает Леха, ожидая, когда Альберт ознакомится с факсом. – Но сам понимаешь – ситуацию упустишь, потом уже не наверстаешь...

Да, кстати – факс! Факс, из-за которого, собственно, все и случилось. Альберт недовольно морщится и читает сообщение, поданное одним предложением без знаков пунктуации: такое впечатление, что его собственноручно набирал сильно спешащий большой человек, не привыкший обращаться с оргтехникой:

«...бросай все на хер немедленно прилетай мать в тяжелом состоянии Войтов...»

Глава 3

Профи. Такая вот обычная работа...

– ...это, простите на добром слове, дерьмо в шоколаде. Сверху красиво и гладко, а как укусишь – сразу ясно, что почем. Оно стоит того, чтобы с ним поступить примерно вот так, – наставление «Курс стрельб» два раза вошло с глухим стуком в контакт с обтянутой «Лесом»¹² задницей Умника и порхнуло в угол тира, жалобно шелестнув на лету страничками. – Почему мы с ним так поступили, мосье Татариков?

– Написано неправильно! – четко выпалил здоровенный парниша с чрезвычайно веснушчатым и вообще разбойным ликом – правофланговый в двухшереножном строю, состоящем из двадцати одного курсанта. – После перестройки печатали, опечаток кучу напечатали!

– Гы-гы-гы... – оживленно отреагировал строй. Любят они это дело – ха-ха поймать на ровном месте. Молодые, здоровые, позади у подавляющего большинства – суровая армейская служба, впереди – вся жизнь, каждый курсант по окончании этого престижного учебного заведения получит высокооплачиваемую и внешне вроде бы нетрудную работу. А еще они Умника любят. По общему мнению курсантов, Умник – лучший препод «Абордажа». Сегодня он самостоятельно проводит практические стрельбы, без начальника кафедры, тот куда-то отлучился по «служебной необходимости». Самостоятельное занятие у Умника – это всегда событие. Будут разнообразные подвохи, подвывихи и неожиданные «вводные» на грани фола.

– По порядку номеров – рассчитайсь! По пятеркам – становись! Первая, на огневой рубеж – шагом марш!

В этом павильоне тира пять направлений: пять позиций на огневом рубеже, отделенных друг от друга бетонными перемычками. Курсанты получили оружие и боеприпасы перед началом занятий, упрятали пистолеты в оперативные кобуры и всю пару огневой подготовки перемещаются с важным видом, ощущая под мышкой приятную тяжесть смертоносного металла. Это первое и далеко не единственное расхождение с курсом стрельб. В соответствии с наставлением, оружие должно находиться под охраной на учебных местах, поскольку ни за кем из курсантов оно не закреплено, а боеприпасы должны выдаваться под роспись непосредственно перед началом учебных стрельб, в пункте боепитания, оборудованном на месте тренировки. То есть имеется вполне определенный риск, что кто-то из нерадивых обучающихся может побаловать с оружием и что-нибудь себе прострелить или, паче чаяния, ранить кого-нибудь из однокашников. Но руководство «Абордажа» на этот риск идет сознательно. Люди должны привыкать к присутствию оружия – большинству из курсантов вскоре придется в буквальном смысле жить с ним, оно станет как бы новой частью тела секьюрити. Кроме того, в «Абордаже» – железная дисциплина, и кого попало сюда не берут. Здесь лучшие из лучших, оставшиеся в курсантских рядах в результате жесткого отбора...

– Вы, мосье Татариков, не совсем правы. – Умник не торопится давать команду на выполнение упражнения – он неспешно разгуливает в промежутке между застывшей в ячейках пятеркой и ожидающими своей очереди курсачами и, как всегда, простенько философствует вместо того, чтобы читать инструктаж по МБ.

Директор, намеревавшийся войти в павильон под предлогом обычного обхода учебных мест, замер у приоткрытой двери и, обернувшись к следовавшему за ним замначальнику кафедры огневой подготовки, приложил палец к губам.

¹² Тип камуфляжа.

– ...«Курс» написан без ошибок – поверьте мне на слово, я его вдоль и поперек прочел, – продолжает Умник. – Его составляли академики, очень неглупые люди. Но!

Указательный палец вверх, пауза. Пятерка в отсеках начинает нервно пощупывать кобуры и коситься в «поле» – Умник известен как любитель сюрпризов.

– Расслабьтесь, господа, – Умник машет рукой – не стоит беспокоиться, ребята, вы слушайте пока, слушайте. – Курс составляли нормальные товарищи в нормальные времена. Если мне память не изменяет, в те нормальные времена деловых людей повзводно не отстреливали. Как у меня с памятью, мосье Шевчук?

– Нормально, Василь Николаич, – покладисто поддакивает из середины строя курсовой «авторитет» – бывший отличник ППС¹³, уволившийся из органов по собственному желанию ввиду мизерной зарплаты и скотского отношения начальства. – Тогда любой «огнестрел» по «бытовухе» был событием, а про «заказы» вообще никто не слышал. Вы к сути, Василь Николаич, к сути – мы про времена в курсе!

– К сути, – соглашается Умник. – К сути... Изложите нам, мосье Шевчук, порядок изготовления к стрельбе, принятие положения «для стрельбы стоя» и производство выстрела. В соответствии с «Курсом стрельб» и НСД.¹⁴

– Ой, Василь Николаич, – это ж долго! – морщится понятливый Шевчук. – И так все ясно! Может, не надо?

– Надо, Петя, надо! – скорбно вздыхает Умник. – Это нам с тобой ясно. А господам необходимо объяснить в картинках. Мы слушаем!

– «По команде „Заряжай“ стреляющий должен... – как по писаному тараторит Шевчук, от скуки прикрыв глаза, – ...вынуть пистолет из кобуры, извлечь магазин из основания рукоятки, уложить пистолет в кобуру. Снарядить магазин патронами, для чего, удерживая магазин в левой руке...»

– Ну, пусть будет «в боевой обстановке», – решает чуть-чуть сократить изложение Умник. – И сразу – к принятию положения и производству выстрела.

– «...в боевой обстановке пистолет должен быть заряжен заблаговременно...» – несколько вдохновляется Шевчук и подмигивает однокашникам. – Пункт для дебилов. Вдруг забудут зарядить, а обстановка – боевая?!

– Дальше!

– «...Повернуться вполоборота налево и, не приставляя правой ноги, выставить ее вперед по направлению к цели на ширину плеч – как удобнее по росту, – распределив тяжесть тела равномерно на обе ноги...» – Шевчук паузирует, набирая в грудь побольше воздуха, остальные курсанты недоуменно переглядываются – а в чем, собственно, прикол-то? Все правильно, по наставлению шпарит! – «...отстегнуть крышку и вынуть пистолет из кобуры. Держать пистолет отвесно, дульной частью вверх...»

– Производство! – идет навстречу пожеланиям трудящихся Умник. – А то в пару не влезем!

– «...Для производства выстрела из всех положений необходимо... – чуть передохнув, продолжает Шевчук. Умник обходит строй, становится в углу тира напротив классной доски, изготавливается пистолетом в стену и наглядно сопровождает озвучивание „Курса“ бывшим ментом. Все ждут подвоха, смотрят напряженно, хлопцы на огневом рубеже вытягивают шеи, становятся на цыпочки и раздраженно шикают на рослых сокурсников – в таком положении строй затрудняет обзор. – ...выбрать точку прицеливания. Не прекращая наблюдения за целью, вытянуть правую руку с пистолетом вперед. Наложить указательный палец этой руки первым суставом на хвост спускового крючка. Вытянуть по левой стороне рукоятки

¹³ Патрульно-постовая служба (аббр.).

¹⁴ Наставление по стрелковому делу.

большой палец правой руки параллельно направлению ствола. Вытянутую правую руку держать свободно, без напряжения. Кисть этой руки держать в плоскости, проходящей через ось канала ствола и локоть руки. Рукоятку пистолета не сжимать и держать ее по возможности однообразно...»

– Издевается, – тихонько хмыкает замначкафедры за спиной Марта. – Пресечем?

– Потерпим пару минут, – неопределенно пожимает плечами Март. Замначкафедры – не «икс». Он понятия не имеет об отношениях между Директором и самым молодым преподавателем «Абордажа». – Пусть закончит представление...

– Однообразно! – восклицает Умник, жестом прерывая Шевчука. – Обратите внимание – какое замечательное понятие: «...однообразно...»! Это же надо додуматься!

Указательный палец вверх, пауза. Пятерка в отсеках опять нервно щупает кобуры и косится в «поле» – но уже не так агрессивно, как в первый раз.

– Да что вы дергаетесь, господа? – Умник машет рукой – не беспокойтесь, ребята, слушайте пока, слушайте. – Продолжайте, мосье Шевчук. Мы остановились на этом замечательном «...однообразно...».

– «...задержать дыхание на естественном выдохе...»

– Масло на естественной масляной основе! – с готовностью подхватывает кто-то из глубины строя.

– Ладно-ладно, – поправляет Умник. – Перлы потом обсудим, не мешайте господину Шевчуку, а то точно в пару не влезем. Далее, Шевчук!

– «...на естественном выдохе... – Ммм... черт, сбили, языкастые. А – вот! – ...зажмурить левый глаз, а правым смотреть через прорезь целика на мушку так, чтобы мушка пришла в середине прорези, а вершина ее наравне с верхними краями целика. В таком положении подвести пистолет под точку прицеливания – не сваливая его – и одновременно начать нажим на хвост спускового крючка. Для спуска крючка необходимо, удерживая дыхание, плавно нажимать первым суставом указательного пальца на хвост спускового крючка, пока курок незаметно для стреляющего, как бы сам собой, не сорвется с боевого взвода...»

– Пух! Пух! – шутливо пукает Умник, производя все действия в точном соответствии с изложением Шевчука. И негромко командует: – Огонь, господа!!!

Вот, блин, и попали! Курсанты с отвисшими челюстями оборачиваются к «полю» – пятерка в «стойлах» принимается лихорадочно рвать застёжки кобур. Вот они, мишеньки – приехали! Бесшумно двигаются по направляющим, на момент оборачивания как раз приблизились на десять метров. Оператор – гад яйцеголовый! Мог бы и предупредить. В этом павильоне обычно выполняют начальное упражнение: мишень 4 «а» с кругами, расстояние – двадцать пять метров, три выстрела, время не ограничено.

– Пиф-паф! – двое успевают выдрать оружие на свет божий, снять с предохранителя и пальнуть как придется. Мишени издевательски щелкают, поворачиваясь к пятерке боком, и едут на исходную позицию.

– Прекратить огонь! – зычно командует Умник, пресекая попытки троих не успевших реабилитироваться. – Стой! Разряжай! Оружие к осмотру!

– Экспериментатор хренов, – ревниво бормочет замначкафедры, жарко дыша Марту в затылок. – Пожалуй, хватит...

– Еще минуту, – останавливает уязвленного в лучших чувствах педагога Март. – Завершение логическое должно быть – полагаю, так просто он их не бросит...

– Вот поэтому мы поступаем с «Курсом» именно так, – Умник не поленился – поднял «Курс» многострадальный из угла, дважды похлопал им себя по заднице и метнул в другой угол. – Этот курс для молодых солдат на учебке и вообще тех, кто впервые в жизни взял в руки оружие. Для секьюрити-профессионала он – ничто. Оператор?!

– По нулям, – раздается из переговорного устройства на стене.

– Проверять будем или поверим технику на слово? – издевательски ухмыляется Умник.

– Упражнение ненормативное! – с обидой замечает кто-то с огневого рубежа. – Вы нам зубы заговорили специально, а оператор тем временем...

– А жизнь вообще штука ненормативная, – широко улыбается Умник. – На вас только что напали отморозки – в причины вдаваться не станем. Вы нападение не отразили. Внимание, всей группе: разойдись! В одну шеренгу становись! Ненормативное упражнение: тренируемся в быстром извлечении оружия из кобуры и изготовке с использованием обеих рук. Сорок повторов. Желаю всем обойтись без случайных выстрелов – я этого ужас как не люблю. К выполнению упражнения – приступить!

– Ну все – хватит! – возмутился замначкафедры, делая попытку протиснуться мимо Директора в дверь. – Это уже форменное издевательство над предметом. За что вы его держите – ума не приложу!

– Еще минуту – резюме должно быть, – не пустил педагога Март. – А держу за дело – он, в отличие от вас, матерых, весь из себя нестандартный и позволяет по-иному взглянуть на некоторые аспекты обучения. Потерпите немного – сейчас вместе зайдем...

– Итак, господа, вы секьюрити-профессионалы, а вовсе не молодые солдаты... – Март не ошибся, Умник ходит за пыхтящей шеренгой и примеряется, как бы попрстойнее вывести умозаключение – чтобы и педагогично было, и объективно отражало действительность, – и, как профессионал профессионалам, я вам ответственно заявляю: эмм... хорошо подготовленному киллеру вы ничего противопоставить не можете. Хотя наизнанку вывернетесь – ни хрена у вас не выйдет! И вовсе не потому, что вы – дерьмо на палочке, а не специалисты. Вовсе нет. Киллер-профессионал всегда будет иметь огромное преимущество перед любого класса охраной, всегда эту охрану переиграет и благополучно уйдет – можете мне поверить, господа, это отнюдь не шутка, а печальная правда. Это по определению – в противном случае он бы назывался не киллером, а как-нибудь по-другому, типа «torturing kill» или «playing in murder». И потому вы, сразу же по поступлению на службу, должны смириться с мыслью, что вашего клиента рано или поздно завалят...

Замначкафедры возмущенно хрюкает. Курсанты на миг перестают выполнять упражнение – реагируют. Март криво ухмыляется – если бы курсанты знали, как в данном случае прав их разнузданный препод! И правота эта отнюдь не риторического плана, она преподам неоднократно проверена на практике...

– Итак, против киллера-профи вы – нуль. Смиритесь с этим. А возможные ваши оппоненты – это отморозки, дилетанты и разнообразные мстители, – сделав знак курсантам, чтобы не отвлекались на дурацкие мысли, закругляется Умник. – Против них у вас шансов – полно. И вы должны неустанно тренироваться, чтобы... спасти свою жизнь. Если вы изначально усвоите, что кусок дерьма, который нанял вас охранять себя, не стоит того, чтобы жертвовать ради него своей молодой жизнью, закрывать его гнилое мясо своим тренированным телом, у вас будет шанс...

– Вот теперь точно – хватит, – сердито бормочет Март, пинком распахивая дверь и входя в павильон. – Василий Николаевич! Мы уже минут десять наблюдаем, как вы организуете занятие... интересное, я вам скажу, зрелище! Пошлите-ка пообщаемся. Андрей Михайлович закончит пару...

Март делает приглашающий жест Умнику и покидает тир. Выражение лица начальственно-озабоченное. Надо бы, по всем канонам, устроить засранцу показательную трепку, чтобы следил за словами и за дверью тоже.

Умник – жуткий еретик. Он покушается на святая святых – пытается разбить в пух и прах основные постулаты, вдальблываемые курсантам каждый час и каждый миг: безопасность клиента превыше всего, секьюрити должен быть в любой момент готов закрыть хозяина своим телом и в любой ситуации сделать все, чтобы спасти его от гибели. Успокаивает

одно: Умник молод, многого еще не осмыслил и по большому счету зря сотрясает воздух. Чтобы воспитать из курсанта себе подобного (читай – Умнику подобного), то бишь универсального солдата, нужно этого курсанта изъять из уютного «Абордажного» комплекса и отправить на войну. И желательно, не на экскурсию в сопровождении «вертушек», под хорошей охраной, а запихать куда-нибудь поглубже, на полгода – в горы, песочек или лесок. Чтобы в рейдах попотел от страха, крутя башкой на 360 градусов. Чтобы научился ночью *чувствовать* любые, внешне неприметные, изменения в своем секторе наблюдения. Чтобы выработалась устойчивая привычка пригибаться за полмига до того, как свистнет пуля шальная, отправлять естественные надобности в отхожем месте, оборудованном ниже уровня траншейного дна, да под прикрытием дежурной снайперской пары, и так далее – всего не перечислишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.